

Андрей Сергеевич ДАВЫДОВ

**ТРЕУГОЛЬНИК «МОСКВА-ПЕКИН-ВАШИНГТОН» И
МУЛЬТИВАРИАНТНОСТЬ ГРЯДУЩЕГО МИРОУСТРОЙСТВА***

МОСКВА – 2023

ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в бурном, постоянно меняющемся мире, невольно адаптируясь к спонтанности и непредсказуемости этих изменений, а зачастую и совсем не замечая их. Но при этом большинству населения Земли вовсе не безразлично, как устроен наш мир, что ждет всех нас в обозримом будущем, как и в каких условиях будут жить наши дети?

Ответить на эти вопросы пытаются многие – от предсказателей и футурологов до современных политиков и политологов. Последним хочется верить больше, поскольку их прогнозы базируются на понимании реальных закономерностей цивилизационного развития, знании диалектических законов всемирной эволюции.

В своих прогнозах и трудах они пытаются осмыслить, каким будет грядущий мировой порядок, определяющими факторами в становлении которого явятся, наряду с общественным, экономическим, технологическим, информационным и культурным прогрессом, политико-идеологические и военно-силовые амбиции и устремления того или иного государства, группы отдельных стран или определенного региона.

Критикуя несовершенство и пороки современного мира, существенная часть политиков и политологов ратует за установление более справедливого, приемлемого для большинства стран общемирового порядка. Они исходят из того, что однополярный мир во главе с Соединенными Штатами Америки, возникший в 1990-е гг. после распада СССР, все большее число землян стал устраивать все меньше и меньше. И проблема для них состоит в том, как избавиться от американского диктата и организовать глобальные структуры таким образом, чтобы они обеспечивали их независимость и коренные интересы.

Иными словами, на повестке дня коренное переосмысление и радикальная трансформация системы мироустройства, сложившейся в итоге Второй мировой войны и краха глобальной биполярности, явившейся ее результатом.

Отстаивая после этого краха претензии на мировое доминирование, США изначально опирались на концепцию их превосходства над остальными странами и народами, постоянно внушая всем им мысль о собственной исключительности. Одновременно американские лидеры упорно продолжали

насаждать идею тотального превосходства своей страны – некий *superiority complex* – среди собственного населения.

На протяжении второй половины XX века в условиях идеологического противостояния двух общественно-политических систем США прикрывали свои претензии на мировое главенство рассуждениями о непревзойденном совершенстве американской демократии как «наиболее справедливой формы организации общества» и «самого действенного орудия в борьбе с мракобесием тоталитаризма».

С начала XXI века Америка перестала утруждать себя пространными объяснениями мотивации своих внешнеполитических шагов. Ссылаясь на пресловутую «победу в холодной войне», она лишь изредка снисходила до безапелляционных заявлений, смысл которых сводился к утверждению: «Мы – лучшие, и поэтому делаем то, что хотим». Запущенный Штатами в обиход афоризм «все, что хорошо для Америки, хорошо для остального мира» стал не на словах, а на деле отражать реально существующую глобальную ситуацию.

Но было бы, безусловно, необъективным и несправедливым обвинять во всех пороках и несовершенствах нынешнего мира лишь одну из сторон. Основная проблема, на наш взгляд, заключается не только в эгоизме и эгоцентризме США, покоящихся на их превосходстве в силе и богатствах, но одновременно – в слабостях и разобщенности других т.н. глобальных игроков. Во многих проблемах виноваты мы сами.

Когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. накануне распада СССР президент США Дж. Буш-ст. договаривался с М.С. Горбачевым об объединении Германии, последнему было предложено назвать советские условия объединения, т.е. нашу «цену» за такой шаг. Америка тогда готова была если не заплатить ее безоговорочно, то во всяком случае поторговаться, исходя из понимания того, что у СССР как одной из двух сверхдержав имелись собственные геополитические интересы. Но советский руководитель не только отказался обсуждать этот вопрос, заявив, что «торги между друзьями неуместны», но даже не настаивал на каких-либо официальных соглашениях, ограничившись, как известно, устными договоренностями. Даже в ту пору это выглядело легкомысленно и безответственно.

Годы правления первого российского президента Б.Н.Ельцина вошли в историю как период угодничества и сервильности со стороны России в ее отношениях с Западом, откровенного заигрывания с США с позиции «младшего брата». Никакого уважения это, естественно, вызвать не могло и лишь усиливало уверенность американцев в том, что о российский триколор можно безбоязненно «вытирать ноги».

«Прогибались» мы не только перед Америкой. Незадолго до того, еще во времена СССР, были сделаны серьезные уступки Китаю – приняты три категорических требования Дэн Сяопина, выдвинутые им в качестве исключительного условия нормализации китайско-советских отношений. Они касались ослабления наших военных и политических позиций в ряде азиатских стран. Позднее российским руководством Китаю был «подарен» остров Даманский, кровь за который пролили наши пограничники в 1969 г.

Еще в конце «советской эпохи» мы начали «сдавать» своих союзников и «сдали» практически всех – от Кубы до Монголии и Вьетнама, не говоря уже о странах Восточной Европы, которые вместе с прибалтийскими республиками бывшего СССР дружными рядами ринулись в НАТО.

В целом, к концу 1990-х гг. в среде мировой общественности возобладало мнение, что Россией руководят слабые политики, готовые идти на уступки, если на них хорошенько надавить. Понятно, что у подобных стран нет, и не могло быть союзников. Наше партнерство с Китаем начало складываться, когда последний оказался в кратковременной изоляции после тяньаньмэньских событий 1989 года. Это было сближение двух «товарищей по несчастью»: ни КНР, ни нас не хотели принимать в качестве полноправных членов в «элитный клуб» руководящих миром держав.

При этом парадокс состоял в том, что внутри страны геополитическая катастрофа распада СССР мало отразилась на сознании ее населения, более 70 лет воспитывавшегося в духе «великодержавия» собственной страны и представления о том, что она является одним из центров «рождения нового мира». Ее население никак не хотело «верить в то, что их страна может утратить привычное место в «обойме великих»¹.

Аплодируя глобализации и декларируя присоединение к этому процессу, мы упускали из виду или не хотели признаться себе в том, что его

---

¹ Аргументы и факты. 2022. № 11.

оборотной стороной одновременно являлось насаждение пресловутых американских ценностей, их всеобщее распространение, универсализация и наше неизбежное подстраивание под них.

В начале нового века у власти в России оказались, однако, люди, не разделявшие компрадорских поползновений ее прежних руководителей. Не полностью и не сразу, но постепенно и все более уверенно они стали формулировать и артикулировать российские национальные интересы. Речь В. Путина в Мюнхене в 2007 г. стала поворотным моментом в истории новой России, той точкой отсчета, которая обозначила наличие у нее самостоятельного вектора политического развития и стремление вернуться на позицию одной из ведущих мировых держав. Другое дело, что остался без ответа вопрос о том, какими ресурсами и инструментами для этого наша страна располагала.

К началу второго десятилетия XXI века главными претендентами на роль «глобальных игроков» стали позиционировать себя, помимо Соединенных Штатов Америки, Китайская Народная Республика и Российская Федерация. И хотя среди этой тройки США на протяжении последних 30 лет являлись безоговорочным лидером по многим параметрам, включая силовые, это не умаляло растущего и крепнущего из года в год веса, влияния и авторитета двух других мировых гигантов. Поэтому именно от того, как стали складываться взаимоотношения внутри «триумвирата», и начал зависеть уровень безопасности на нашей планете.

России, переживающей ныне очередной этап конфронтации с Америкой, совсем нелишне опираться на поддержку тех внешних сил, которые заинтересованы во взаимодействии и сотрудничестве с ней. Такой силой для нее как евразийской державы является, прежде всего, Китай, а также другие дружественно настроенные по отношению к ней страны, в частности, в Азии.

Вполне естественным поэтому явилось провозглашение решительного курса России на усиление своих позиций в АТР, на скорейшую интеграцию в экономическую и политическую жизнь региона. Этот поворот одновременно стал не просто изменением ее регионально-политических ориентиров, отходом от одностороннего «евроцентристского крена» в первом десятилетии после распада СССР, *а неизбежным маневром государства, две*

трети территории которого находится в Азии, а до 80% ресурсов – в Сибири и на Дальнем Востоке.

Конечный успех такого «разворота», по мнению ряда видных политиков и политологов, зависел от того, насколько глубоким было бы осознание гражданами России, ее общественной и политической элитами самоидентификации нашей страны как евроазиатской и тихоокеанской державы. Ибо это призвано было стать одним из ключевых стимулов в мобилизации ее материальных и духовных сил, сознания и устремлений всех россиян к подъему и развитию ее недостаточно освоенных восточных регионов, к углублению сотрудничества с дальневосточными и азиатскими соседями – КНР, Индией и государствами АСЕАН.

Одновременно это могло бы способствовать продвижению в направлении формирования новых центров влияния, призванных обрести все больший удельный вес в мировых делах, менять сложившийся баланс сил и претендовать на роль, соизмеримую с ролью признанных традиционных мировых центров. Формирующаяся таким образом структура полицентричности была призвана стать основой построения многополярной системы современного мира, т.е. той целью, стремление к которой обнаруживали большинство развивающихся стран.

Одной из опор в строительстве многополюсного, полицентричного миропорядка мыслились российско-китайские отношения доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, сходство или близость представлений двух стран о более гармоничном и справедливом мире.

Эта мысль прошла «красной нитью» в последней работе выдающегося российского китаевода, академика РАН М.Л. Титаренко «Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика» (2016), подготовленную им в соавторстве с другим известным китаеведом-политологом – доктором политических наук В.Е. Петровским и вышедшую в свет уже после кончины М.Л. Титаренко.

Подтверждение своего вывода о том, что современное мироустройство разбалансировано и нуждается в реформировании, авторы нашли в книге патриарха американской политологии Г. Киссинджера «Мировой порядок». Соглашаясь в принципе с оценкой основных причин этой разбалансировки, увиденной Киссинджером в столкновении «между мировой экономикой и

политическими институтами», когда «...экономика становится все более глобальной, а политическое устройство по-прежнему основано на национальном государстве»², они категорически возразили против «рецепта Киссинджера» – передоверить организацию нынешнего глобального порядка исключительно «великим державам».

М.Титаренко и В. Петровский исходят из того, что происходит формирование не просто полицентричной, а многослойной, «мультиплексной» структуры международных отношений с участием множества негосударственных акторов, но с преобладающей пока ролью государства и его институтов. И в этих условиях значение Китая – страны, вырвавшейся за короткий срок из нищеты на позицию фактически второй по значимости экономической державы мира, возрастает многократно.

Неудивительно поэтому, что в борьбу за «расположение» КНР включились основные мировые державы. При этом США осознали нереальность надежды на корректировку курса Пекина в пользу Америки и поиска в его лице партнера, который будет действовать в угоду американским интересам. И это при колоссальной экономической взаимозависимости США и Китая, объем двусторонней торговли товарами и услугами между которыми вырос за три с половиной десятилетия в 665 раз – с 991 млн долл. (1978) до 659,4 млрд долл. (2015).

Стало очевидным, что построение нового миропорядка связано с осуществлением коренных изменений в сложившейся мировой архитектонике. Но главный вопрос состоял не в том, возможны ли такие изменения, а в том, куда они приведут. Будет ли мировое развитие следовать в благоприятном для подавляющей части человечества направлении или, наоборот, породит неблагоприятные тенденции?

Общепризнанным стало то обстоятельство, что определенную роль в обеспечении качественных параметров мирового развития должен сыграть прогресс в наиболее динамично развивающемся регионе мира – Азиатско-Тихоокеанском. Его главная проблема заключалась в разрыве между экономическими и политическими возможностями: в решении миротворческих задач роль АТР явно уступала роли Европы, и если бы такое

---

² Титаренко М.Л., Петровский В.Е.. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. М., «Весь мир», 2016. С. 8.

положение сохранялось, прогнозы о выходе АТР в лидеры мирового прогресса могли оказаться несостоятельными.

Повышение политической значимости АТР, необходимой для выдвижения этого региона на ведущие мировые позиции, виделось в преодолении в его рамках идеологических разногласий между странами с различной социальной ориентацией, в приоритетной реализации в регионе концепции общечеловеческих ценностей, а также в осознании того, что на трансформацию всего комплекса общественных структур в странах «конфуцианского культурного ареала» серьезно воздействуют не только западные идеи, но и традиционный «багаж» восточных философских мудростей. Такой взгляд пришел на смену «прежним концепциям о непримиримости традиций и прогресса, отождествления прогресса лишь с заимствованием западного опыта развития»³.

Так в сложном процессе формирования новых общечеловеческих ценностей и принципов бытия при сохранении самобытности каждого народа должен происходить синтез восточной и западной цивилизаций, в ходе которого Китай и Россия выступали бы как «базовые точки» взаимопроникновения культур, существующего между ними уже более 300 лет.

Отсюда следовал вывод, что прогресс в АТР не может быть обособлен от единого евроазиатского процесса, предполагающего преодоление конфронтации цивилизаций Восток-Запад, рост их взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения и культурную конвергенцию, на основе которых постепенно будет «складываться новый тип межцивилизационных отношений, формироваться евроазиатское пространство мира и безопасности»⁴.

Что касается России, то для ее внутреннего и международного благополучия необходимо было последовательно придерживаться принципа уравниваемости и равнозначности западного и восточного азимутов внешней политики, неуклонно следовать ее евразийской геополитической идентичности.

У ряда западных наблюдателей вызывало опасение то, что российско-китайское стратегическое партнерство и сходные позиции двух стран по

---

³ Там же. С. 26-27.

⁴ Там же. С. 41.

некоторым территориальным проблемам в АТР могут привести к формированию «нового биполярного порядка», при котором Китай и Россия совместно противопоставят себя США, Японии и остальным странам Восточной Азии.

Однако, как было многократно заявлено ими и уже широко известно остальным, ни Китай, ни Россия в принципе не имели намерений формировать традиционный союзнический альянс, предусматривающий чрезмерную взаимозависимость и частичную утрату суверенности каждым из его членов. В свою очередь они озадачились вопросом: а не усматривать ли в провозглашенном в свое время еще Б. Обамой и Х. Клинтон курсе на «возвращение США в Азию» попытки воссоздания морально устаревших альянсов и блоков времен холодной войны?

Мировая практика доказала, что нарушить равновесие в мире, какой-то части его или отдельно взятом регионе гораздо легче и проще, чем установить либо восстановить утраченный баланс сил. Каждая из сторон своими действиями вольно или невольно вносит лепту в «разбалансировку» глобального пространства. Соединенные Штаты в стремлении к контролю над ресурсами развивающихся стран прибегают к методам экспансии, неуклонно расширяя ее, варьируя и видоизменяя эти методы.

КНР, первоначально продекларировавшая приоритетность для себя региональных интересов и целей, не только перешагнула их рамки, углубляя экономическое проникновение в Африку, Латинскую Америку, на Ближний Восток и вынашивая замыслы строительства сухопутных и морских «шелковых путей» в Западную Европу, но стала ускоренно наращивать флот, стремясь к превращению в великую морскую державу.

Россия, вернувшая в свой состав Крым, не только модернизировала вооружения, но открыто заявила о наличии геостратегических интересов в ближневосточном регионе. Все эти шаги в отдельности могут быть оправданы с точки зрения национальных интересов каждой из указанных стран. Но в совокупности они сформировывали зоны противоречий, способных привести к возникновению локальных или глобальных конфликтов. Что в итоге и произошло, в том числе, на Украине и в Тайваньском проливе.

Ныне, как и прежде, особую актуальность сохраняет убежденность в том, что превыше любой дружбы или вражды должны ставиться собственные коренные интересы. Именно так поступают здравомыслящие нации, все наши партнеры, включая наиболее близких и преданных. И здесь мы не должны быть исключением.

Российско-китайское стратегическое партнерство и взаимодействие, помимо экономической составляющей, которая прогрессирует, но пока все же не столь впечатляющая, преследует и главную политическую цель – противодействие американскому глобальному диктату и доминированию. Это оправдано, но на пути «взаимодействия ради противодействия» может неизбежно встретиться множество «подводных камней».

Во-первых, Китай, несмотря на разразившуюся при Д. Трампе «торговую войну» с США, экономически пока намного теснее связан с ними, чем с нами, и поэтому возникает вопрос: до каких пределов мы можем двигаться совместно, противодействуя Америке, и где у нас и у китайцев проходят те «красные линии», которые каждая из сторон не намерена переступать? Очевидно, что для каждой из сторон они свои особые и будут пролегать по-разному. Другими словами, в наших партнерских взаимоотношениях важно понимать те пределы, которые создаются «окнами» наших возможностей.

Во-вторых, Китай, как известно, до последнего времени придерживался правила, согласно которому его отношения и с США, и с Россией, всегда должны были быть по возможности лучше, чем взаимоотношения между США и РФ. Кроме того, он достаточно ревностно относился к любым позитивным подвижкам в российско-американских отношениях. Одним из примеров этого была его реакция в связи с заявлением В.В. Путина о российской поддержке Америки в борьбе с терроризмом после событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.

Со своей стороны, США не только постоянно использовали «игры» на российско-китайских разногласиях, когда таковые возникали, но всегда старались выстраивать отношения с нами и КНР таким образом, чтобы по возможности *одновременно* не доводить их с обеими странами до очень плохих. Если отношения с одной из сторон вступали в стадию конфликта, то с другой происходило смягчение или их существенное улучшение.

Эта закономерность оказалась нарушенной в результате такого события, казавшегося еще накануне президентских выборов 2016 г. «неожиданным», как победа на них Д. Трампа. И хотя после замены Д. Трампа в Белом доме Дж. Байденом враждебный тон американской риторики в отношении КНР практически остался без изменений, некоторые шаги США и ответные жесты со стороны Пекина свидетельствуют об осторожности сторон в плане дальнейшей эскалации враждебности и их нежелании еще больше усугублять взаимоотношения.

Хотя отношения между США и Китаем до последнего времени позиционировались самими этими странами и большей частью международного сообщества как самые важные в мире, наше общее будущее не в последнюю очередь зависит и от того, как будет складываться взаимодействие КНР и России. Наряду с накопленным ими огромным положительным «совместным багажом» и достижением, по обоюдному признанию, «пиковой точки» состояния и качества их двусторонних связей, у обеих стран до сих пор имеется немало вопросов друг к другу.

К ним относятся как сохраняющаяся взаимная настороженность по поводу диалогов и отношений каждой из сторон с Западом, так и воспоминания в среде российских аналитиков об отношениях в «треугольнике» США-КНР-СССР в 1970-е гг. Ведь затрудненность в прогнозировании современных внешнеполитических целей Китая не дает возможности относиться к фактам того периода как к полностью отжившим стереотипам или «реликтам прошлого». У российской стороны также вызывает недоумение «своеобразная трактовка» в Китае истории советско-китайских и нынешних российско-китайских отношений. В частности, на многих географических картах КНР южные Курилы обозначены как «оккупированная Россией территория Японии».

Имеются определенные признаки конфликтности интересов России и Китая в странах Центральной Азии и в ШОС, некоторой разнонаправленности в отдельных сегментах политики обоих государств в Восточной Азии. Раздражителем для китайской стороны зачастую выступает характер российско-индийских отношений, особенно в сфере военно-технического сотрудничества. Недостаток баланса в двусторонней торговле,

определивший доминирующие тенденции в ней, не позволяет в полной мере считать ее полноценным фактором со-развития двух стран.

Очевидна также проблема взаимодоверия на уровне широких общественных слоев. В СМИ обеих стран до настоящего времени периодически появляются публикации, основанные на прямой подозрительности в адрес партнера. Темы «неравноправных договоров и утраченных территорий» в китайской печати откликаются тезисами о «китайской угрозе и демографической экспансии» в периодике РФ. С обеих сторон на общественном и бытовом уровне обнаружилось элементы высокомерия: в России срабатывали стереотипы прежних представлений о Китае как о «младшем брате», а в КНР проявился синдром эйфории от успехов, на фоне которого отношение к ослабевшей России выглядело пренебрежительным. Особого внимания при этом заслуживает упоминание о существенных различиях в идеологических посылах обеих стран.

Примечательны результаты сравнительного анализа отношения в КНР и России к системе глобального управления. Обе страны сходны в том, что считают его «западной концепцией» и участвуют в деятельности международных организаций в целях защиты своих национальных интересов, сохраняя приверженность идее многополярного мира и принципу невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

И Китай, и Россия не поощряют передачи государствами части своего суверенитета международным институтам, но сами активно используют международные и региональные организации для укрепления своих позиций на мировой арене.

Разнятся они, прежде всего, в приоритетности подходов к инструментам этого управления. Так, до недавнего времени Китай не слишком тяготел к участию в глобальном управлении в сфере безопасности, отдавая предпочтение экономическим и гуманитарным его рычагам. И наоборот, Россия всегда ставила проблемы обеспечения безопасности во главу угла, не проявляя при этом повышенной активности в относящихся к глобальному управлению экономических вопросах.

Возможно, это являлось одной из причин неполной реализации возможностей и недоиспользования потенциала такой международной организации, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС),

инициаторами создания которой были РФ и КНР. Среди главных целей ее формирования значились совместные усилия членов этой организации по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и региональной стабильности, построению демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка.

Видимо, разновекторность приоритетов и намерений, вынашивавшихся сторонами в процессе создания ШОС, привела к тому, что ни в экономическом, ни в политическом отношении организация не вполне отвечает возлагавшимся на нее надеждам. России хотелось бы видеть в ней гарант мира, политической и военной стабильности на пространстве Центральной и Восточной Азии. Китай же больше интересуется решением своих социально-экономических проблем в опоре на новые молодые азиатские государства – бывшие республики распавшегося СССР, являющиеся ныне членами ШОС.

Все вышеизложенное – серьезный противовес аргументам сторонников концепции формирования между Китаем и Россией «стратегического альянса» с элементами взаимодействия в оборонной сфере, который уже давно грезился, например, некоторым российским аналитикам – выходцам из военных и силовых структур. И уж совсем невероятным представляется ныне некий тип подобного альянса между КНР и США.

Как резонно отмечал известный российский китаевед Е.П. Бажанов, – «Китай – это страна, которая в силу исторических традиций, размеров, численности населения, влияния в мире объективно должна занимать *независимые, самостоятельные позиции* на международной арене. Примыкание к блокам других великих держав для Китая противоестественно, и если оно имеет место, то лишь временно, вследствие того, что расклад сил в мире, ограниченный военный и экономический потенциал мешают КНР в полной мере функционировать в роли великой державы»⁵.

Из вышеизложенного прежде всего следует, что политико-идеологическое и военное противоборство, присущее биполярному мироустройству, в нынешних условиях сменилось на геополитическое, экономическое и цивилизационное соперничество, а новый мировой порядок,

---

⁵ Бажанов Е.П.. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. С. 164.

который сформируется путем многоуровневых трансформаций современной архитектоники, будет складываться не только на основе баланса сил, но и с учетом взаимного баланса разнообразных сфер интересов – особенно интересов ведущих мировых держав.

Военная операция России на Украине по существу обозначила старт нового этапа борьбы за изменение характера глобального мироустройства: американским претензиям на монополярность и гегемонизм брошен открытый вызов. Вот почему взаимовлияние и борьба сил и интересов в отношениях США, КНР и России являются коренными и определяющими.

ГЛАВА 1. РЕАЛИИ ПОСТБИПОЛЯРНОГО МИРА

1.1. Крах биполярности: прогнозы и реальность

Формально биполярный мир прекратил свое существование 26 декабря 1991 г., в день, когда алый стяг СССР на флагштоке Кремля уступил место российскому триколору. Однако руководители новой России в упоении от нахлынувшей эйфории от осознания собственного величия правителей мировой ядерной державы, только что покончившей с коммунизмом, не задумывались в тот момент о трагичности грядущих последствий этой «глобальной геополитической катастрофы», как охарактеризовал позднее распад СССР Президент России В.В.Путин. Будущее рисовалось им исключительно в радужных тонах.

Если экономическая ситуация в стране еще могла вызывать у них определенные опасения, которые они, впрочем, надеялись развеять с помощью «друзей с Запада», то о каких-то возможных внешнеполитических неурядицах мыслей не было вовсе. По убеждению новых ее руководителей, обновленная Россия вступала в сообщество «истинных демократий», которые так много сулили ей словесно, а потому не должны были, просто не могли оставить в беде.

Биполярная система мироустройства, существовавшая на протяжении четырех с лишним десятилетий и рухнувшая практически в один день, сформировалась не сразу, но довольно быстро. Толчком к ее возникновению послужила цепь событий всемирной истории по окончании Второй мировой войны.

Будучи союзниками по антигитлеровской коалиции, СССР и США вышли из войны достаточно боеспособными, чтобы не только отстаивать свои собственные интересы, но взять на себя ответственность за судьбы мира и гарантировать другим народам возможность продвижения по пути прогресса. Поэтому основой действий обеих стран стала глубокая убежденность в собственном праве и долге защищать будущее человечества. Конфронтация возникла из-за того, что делать это они предпочитали с диаметрально противоположных идейно-политических позиций.

СССР, само возникновение которого рассматривалось теоретиками марксизма-ленинизма как начало «общего кризиса капитализма» и «преддверие мировой революции», опирался на теорию классовой борьбы, исходил в своей политике из т.н. принципа пролетарского интернационализма и, поддерживая международное рабочее и антиколониальное движение, не считал себя связанным условностями парламентаризма, буржуазной демократии, конституционализма, либеральных прав и свобод.

Ядро американской идеологии составлял протестантизм – признание решающей роли общественного мнения в жизни людей при сохранении рациональной и индивидуалистической мотивации, императивность нравственных норм, порою переходящая в настойчивое морализаторство, сочетание индивидуальной ответственности с убежденностью в избранности и превосходстве тех, кто способен достигать выдающихся личных успехов.

Таким образом, идея религиозно-нравственного превосходства тесно сочеталась в американском общественном сознании с представлением о национальной исключительности «самого свободного в мире» американского народа. Как утверждал Г.Киссинджер, история отвела Америке две роли – она совершенствует демократию у себя дома и поэтому служит путеводным маяком для остальной части человечества, но при этом сами демократические ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе.

Так, разные по своей сути идейные основы общественной организации в СССР и США, тем не менее, совпали в отношении вектора целевой направленности их развития – *обоснованного стремления к экспансии вовне*. Именно на «внешнем поле» и должно было произойти неизбежное

столкновение противоположных целей и интересов двух стран, еще недавно действовавших сообща на полях самой кровопролитной из мировых войн.

По неофициальным данным, толчком к пересмотру американской стратегии взаимоотношений с СССР по окончании Второй мировой войны стала аналитическая записка сотрудника посольства США в Москве Д. Кеннана, в которой якобы утверждалось, что, по представлениям советских лидеров, их страна все еще живет в антагонистическом капиталистическом окружении, и с ним не может быть долговременного мирного сосуществования. Для противодействия «советской угрозе» Кеннан считал необходимым нейтрализовать влияние коммунистической идеологии в странах Европы и других регионах мира, предоставить реальные гарантии безопасности странам, находящимся в «зоне советского влияния».

После анализа записки Кеннана специальной комиссией с участием ряда влиятельных американских политиков президенту Г.Трумэну 24 сентября 1946 г. был представлен доклад об отношениях США с Советским Союзом, ключевым тезисом которого стало утверждение, что советская экспансия может начаться в любом месте земного шара, и только США имеют возможность препятствовать ей.

Особый акцент в докладе был сделан на «мобилизационный характер» советской политической системы, позволяющий ей за счет жесткой централизации и дисциплины реализовывать любые проекты. Президенту предлагалось при необходимости не останавливаться перед использованием против СССР атомного или бактериологического оружия.

Первоочередными задачами США провозглашались создание прочной коалиции западных, идеологически близких им держав, увеличение американской военной мощи, всемерное упрочение позиций Запада в экономической, научно-технической и интеллектуальной сферах, жесткая идеологическая борьба с коммунизмом на мировой арене.

Этот доклад оставался засекреченным до 1970-х гг. Первым же публичным выражением ориентиров нового стратегического курса западных стран в отношении СССР еще до его появления стала знаменитая фултонская речь У.Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 г. Фактически в ней содержался призыв к созданию нового военно-политического союза США и

Великобритании, призванного «опустить железный занавес» перед коммунистической угрозой.

По утверждению британского премьера, «СССР желал воспользоваться плодами войны и получить возможность неограниченного распространения своего могущества и своей доктрины». Поэтому никакое «умиротворение», по его мнению, было невозможно. Это замечание звучало особенно вызывающе, поскольку содержало аналогию между СССР 1946 г. и гитлеровской Германией 1930-х гг.⁶

Именно положения фултонской речи Черчилля легли в основу идейного фундамента политики Г.Трумэна, которому мир представлялся ареной конфликта «между свободой и угнетением». Политические свободы у него ассоциировались со «свободным предпринимательством», т.е. капитализмом, а несвобода – с системой социализма. Новая внешнеполитическая доктрина, названная его именем, предписывала США немедленно противодействовать любым попыткам социалистического переустройства общества и любым притязаниям Советского Союза. На СССР усилился политический и экономический нажим.

Подлинным камнем преткновения между Москвой и Западом стал т.н. план Маршалла – идея выделения значительных финансовых ресурсов на цели восстановления европейских стран. С его помощью правительства США и Великобритании хотели приостановить согласованные в Ялте и Потсдаме выплаты Германией репараций СССР и странам Восточной Европы, заменив их международной помощью на основе фактического американо-британского контроля вместо имевшихся двусторонних соглашений. Такая инициатива со всей очевидностью была направлена на ликвидацию советского влияния в восточноевропейских странах.

Д. Кеннан, как один из авторов плана, одновременно предлагал не просто «сдерживать» СССР, а оказывать на него жесткое давление с целью приближения краха или, по меньшей мере, значительного ослабления. Со второй половины 1947 г. термин «холодная война» прочно обосновался в политическом лексиконе, а отношения СССР с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции после введения «плана Маршалла» стали быстро эволюционировать в направлении открытой враждебности.

---

⁶ Лавренов С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: «Астрель», 2005. С. 13.

Последовавшие затем прекращение деятельности четырехсторонней Контрольной комиссии и Берлинский кризис 1948 г. облегчили формирование антисоветского западного альянса. Экономический союз, рожденный в рамках «плана Маршалла», превратился в военно-политический блок. 4 апреля 1949 г. США, Канада и десять западноевропейских стран подписали Атлантический пакт. В мае была принята конституция ФРГ. В октябре СССР на базе своей оккупационной зоны в ответ создал ГДР. Европа была разорвана надвое и стала ареной противостояния двух враждебных блоков, которые впоследствии трансформировались в военные союзы НАТО и Организацию Варшавского договора.

Ошибка И.Сталина состояла в том, что, будучи 100-процентным прагматиком по сути (вспомним пакт с Гитлером и в то же время установление дипломатических отношений с США), он после окончания войны «поддался» на уловку Запада, пойдя на раздел Европы по идеологическому принципу (начав с раздела Германии на оккупационные зоны). Этим он спровоцировал Запад на возведение барьеров, вылившееся (уже при Хрущеве) в «холодную войну». Блоковая конфронтация сохранялась на протяжении почти четырех десятилетий.

В течение большей части биполярного противостояния этот период характеризовался нарастанием напряженности во взаимоотношениях двух мировых систем и эскалацией их соперничества. Находясь в состоянии перманентного противоборства, стороны часто оказывались буквально в одном шаге от возникновения между ними войны «горячей», чреватой ядерной катастрофой не только для них самих, но и для остального мира.

Одновременно холодная война, в сравнении с предыдущими периодами мировой истории, породила огромное количество локальных войн и вооруженных конфликтов, которые возникали в различных регионах мира – на Ближнем Востоке, в Индокитае, в Центральной Америке, Центральной и Южной Африке, в Азии и в районе Персидского залива.

В годы холодной войны стороны как оппоненты принимали участие в урегулировании целого ряда политических и военных кризисов, нередко с использованием вооруженных сил. Одним из самых острых считался Карибский кризис 1962 года, связанный с установкой советских ракет на Кубе. Напряженность резко усиливалась также в ходе региональных войн,

которые вели США во Вьетнаме с середины 1960-х до середины 1970-х гг. и СССР в Афганистане в 1980-е гг.

Гораздо реже в отношениях между противоборствующими системами происходило ослабление напряженности, самым заметным из которых явилась советско-американская разрядка начала 1970-х гг. Примечательно, однако, что стороны пошли на нее практически одновременно с «перетягиванием» Соединенными Штатами на свою сторону КНР, отношения с которой у СССР к тому моменту обострились настолько, что дело дошло до прямых вооруженных пограничных столкновений двух сторон.

В то же время на определенных этапах биполярного противостояния «системе социализма» под руководством СССР порою удавалось укреплять свои глобальные позиции в различных регионах мира и, соответственно, ослаблять «мировой империализм». Так произошло, в частности, в результате кубинской революции 1959 года, отчасти после победы С. Альенде на президентских выборах в Чили в 1969 г., в итоге государственных революционных переворотов в ряде африканских стран (Ангола, Мозамбик и пр.).

Поддержка «братских режимов» безусловно требовала огромных финансовых затрат, которые тяжелым бременем ложились на плечи советской экономики. Но к краху биполярности привело не только это, а целая совокупность причин. Особую и самую опасную их группу составляли те, что подтачивали «мировой лагерь социализма» изнутри, а главнейшей, по нашему мнению, явился советско-китайский раскол, изначально скрывавшийся обеими странами, но вначале 1960-х гг. ставший для всего мира «секретом Полишинеля».

Дело в том, что вскоре после смерти Сталина Мао Цзэдун решил, что его кандидатура на роль лидера мирового социализма является самой подходящей и выдвинул сначала ряд «теоретических положений и тезисов» в подкрепление своих притязаний, а когда они были отвергнуты, затеял негласный спор с советским руководством о будущих путях развития социализма. Вступая в него, расширяя и углубляя полемику, советская сторона совершила большой промах, причиной которого стало слабое знание

особенностей личности Мао и, главное, – практически полное отсутствие осведомленности о характере и специфике китайского менталитета.

«Братский дух» отношений с КНР в первой половине 1950-х гг. видимо настолько «одурманил» постсталинское руководство СССР во главе с Н.Хрущевым, что поначалу оно не придавало слишком серьезного значения зарождению «особой позиции» Пекина», его отходу от «совместной генеральной линии», и не очень задумывалось о том, к чему это может привести, рассматривая ее как некую «специфическую китайскую разновидность» единого курса социалистических стран, обусловленную исключительно «азиатским складом ума» своего «надежного товарища по оружию».

До начала 1960-х гг., т.е. практически до Второго международного совещания коммунистических и рабочих партий, имеющиеся расхождения не выпячивались, а, наоборот, по возможности сглаживались, по крайней мере, для внешней среды.

Одну из действительно серьезных попыток понять глубинные причины происходящего и разобраться в китайском менталитете советские директивные органы предприняли лишь в 1964 г., когда хрущевскую эпоху сменило т.н. коллективное руководство. Попытка была связана с выпуском в свет ограниченным закрытым тиражом с грифом *«Рассылается по специальному списку»* перевода издательством «Прогресс» книги профессора истории Национального университета Австралии Чарльза Фитцджеральда, озаглавленной *«Взгляды китайцев на их место в мире»*⁷.

Обращение к зарубежному источнику для поиска ответов на вопросы, уже серьезно беспокоившие к тому моменту руководство СССР, свидетельствовало не только о стремлении разобраться в них глубже, привлекая для этого порою нелюбимые для себя оценки западных политологов, но и о том, что в отечественных экспертных кругах, обслуживавших высшие эшелоны власти, не имелось достаточно квалифицированных специалистов, способных провести глубокий и объективный анализ с целью реальной оценки причин заявлений и действий руководителей КНР.

---

⁷ Fitzgerald C.P. The Chinese View of Their Place in the World. London, 1964.

Но даже если требуемые специалисты в единичных количествах и наличествовали, то, давая свои оценки, они исходили, в первую очередь, из политических факторов, находились под гнетом «идеологического пресса» и, как правило, не соотносили происходящее с историко-философским наследием, направлявшим действия китайских вождей. Они не могли, да и не хотели «подставяться», оперируя объективными данными и рискуя при этом потерять многое, если не все.

Через всю книгу Ч.Фитцджеральда «красной нитью» проходила мысль о том, что деятельность и политика китайских руководителей в значительной мере определялись национальными традициями и мировоззрением, сложившимися издавна в условиях обособленности и изолированности императорского Китая, одинаково характерных для положения в мире КНР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Это положение изолированной страны, почти лишенной в то время друзей и союзников, не могло не укреплять традиционный китайский взгляд на мир, согласно которому Китай всегда рассматривал себя как «центр, единственный оплот истинной цивилизации, как законодатель для варварских народов»⁸.

Ничто произошедшее в Китае за долгий исторический период не могло убедить в несоответствии старых образцов и общепринятых в стране взглядов новым условиям. Иностранцы, которых китайцы либо отбрасывали, либо терпели, представляли, по их убеждению, народы менее высокой культуры, внесшие мало ценного или не внесшие вообще ничего в сокровищницу китайской цивилизации. Поэтому все иностранцы, приходившие в Китай, тем более с оружием, для китайцев были и оставались «варварами».

Что касается России, то в царские времена, особенно на рубеже XIX-XX вв., она воспринималась в Китае как один из наиболее активных врагов, наименее достойных подражания, у которого ему почти нечему было учиться. Советская Россия, готовая общаться с китайским и другими слабыми азиатскими народами как с равными, аннулировавшая неравноправные договоры и концессии, представлялась менталитету китайцев страной, готовой идти на уступки и компромиссы, из которой

---

⁸ Фитцджеральд Ч.П. Взгляды китайцев на их место в мире. (перевод с английского). М.: Издательство «Прогресс», 1964. С.3.

можно если не «вить веревки», то, по меньшей мере, извлекать необходимые для себя выгоды.

Суммируя свои наблюдения, Ч.Фитцджеральд отмечал, что политика коммунистического Китая непосредственно вытекала «из националистических устремлений китайских руководителей..., направленных на возрождение былого могущества», для чего необходимо было «представить Мао более великим пророком, чем все остальные, и в то же время попытаться создать впечатление, что другие лидеры стоят на ошибочных позициях, так как на одном небе не может быть двух солнц»⁹.

Еще в 1949 г. Лю Шаоци, один из руководителей Коммунистической партии Китая, позже – председатель КНР (1959–1968), выступая на конференции Всемирной федерации профсоюзов в Пекине, утверждал, что китайская революция является образцом для слаборазвитых или полуколониальных стран. Тем самым уже тогда подтверждался «теоретический вклад Мао Цзэдуна в сокровищницу марксистско-ленинской мысли». Одновременно это означало, что Китай претендует на роль лидера таких революций, на право давать свое толкование коммунистическим доктринам применительно к развивающимся регионам.

Такие «заявки» были равнозначны осовремененным постулатам старого китайского взгляда на мир: «первое – Китай это центр цивилизации, которую должны копировать менее развитые государства и народы, если они хотят быть членами цивилизованного мира, и второе – правитель Китая является толкователем ортодоксальной доктрины; китайские толкования, несмотря ни на что, всегда правильны, а истина и наиболее правильное толкование всегда исходят из Китая и соответствуют китайскому учению»¹⁰.

Это, в свою очередь, давало Пекину право претендовать на роль одного из «подлинных защитников чистого марксизма» и на этом основании обвинять СССР в малодушии, ревизионизме, готовности из страха перед ядерной войной предать мировую революцию ради такой формы мирного сосуществования, которая, на деле, вела к увековечению капиталистического общества. А Китай, обладающий «правильным учением», «лучше кого бы то

---

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С.44.

ни было» подходил для роли «руководителя будущего всемирного коммунистического общества»¹¹.

Таким образом, *первой из ключевых причин грядущего краха биполярности* оказывалось то, что даже в не успевшем еще окончательно оформиться «социалистическом лагере», но уже противостоявшем тогда западному «капиталистическому блоку», образовалась трещина из-за разногласий между двумя его основными участниками, возникшая не просто на почве различий во взглядах на формы и методы противостояния противнику, а в результате коренного расхождения в оценках роли и значения СССР/России и Китая/КНР для развития человеческой цивилизации.

За четыре с половиной десятилетия биполярной конфронтации помимо советско-китайского раскола в «социалистическом содружестве», безусловно, возникало немалое число различных конфликтов и кризисных ситуаций, которые можно было бы безоговорочно причислить к другим причинам, приведшим к его распаду.

Достаточно вспомнить балканский и берлинский кризисы, события в Венгрии, Польше и Чехословакии, вооруженные столкновения СССР и КНР в 1969 г. на о. Даманский и в районе советской погранзаставы Жаланашколь, ставшие по существу апогеем вражды двух стран и кульминацией конфликта между ними, а также войну Китая и Вьетнама в 1979 г.

Все эти события не только подтачивали силу и крепость «лагеря социализма», но и подрывали в глазах мировой общественности возникшую поначалу у нее веру в правильность и незыблемость тех идей, которые он отстаивал.

К тому же стало очевидным, что социализм явно проигрывал в технико-экономическом соревновании капитализму. А ресурсы взвалившего на плечи оказавшуюся непосильной ношу обеспечения экономических и военных обязательств по защите своих союзников СССР, число которых все возрастало за счет «встающих на путь социализма молодых, развивающихся государств» из Азии и Африки, быстро истощались. Это и обусловило появление *второй из решающих причин* распада социалистического блока, повлекшего крах биполярной системы мира.

---

¹¹ Там же. С.51.

Согласно широко распространенному мнению, основная роль в сдаче позиций социализма и, соответственно, крахе биполярности отводится М.С.Горбачеву, деятельность которого на посту последнего советского руководителя оценивалась в диапазоне от «предателя национально-государственных интересов СССР» до «великого демократизатора и реформатора»¹².

По результатам недавних социологических опросов, 51% респондентов считали его «политиком, который думал о благе страны, но совершил ряд серьезных тактических просчетов, которые привели к потрясениям и проблемам; 22% – преступником, злонамеренно и сознательно развалившим великую страну; и 11% – смелым человеком, который не побоялся взять на себя ответственность и провести жизненно необходимые стране реформы».

По нашему убеждению, трагедия Горбачева-политика заключалась в том, что он оказался не только слабым лидером, но и слепым идеалистом, не подготовленным к миссии, которую возложил на себя внутри страны и на международной арене, поверившим в честность и порядочность т.н. западных партнеров, посчитав их приверженными тем же благородным идеалам и целям, что и он сам, и совершенно забывшим постулат о том, что политика – дело грязное.

Это становится видно, когда перелистываешь страницы его книги «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», выпущенной Издательством политической литературы в 1987 г., через два года после провозглашения «курса на перестройку». В ней наряду с понятными, обоснованными и логичными утверждениями о характере, реальностях и содержании эпохи 1980-х гг. присутствуют размышления и идеи, хотя здравые и разумные по сути, но малореальные в сложившейся тогда глобальной ситуации.

Одна из таких мыслей заключалась в необходимости установления «баланса интересов»¹³. Однако при этом стороной был обойден вопрос о том, что предтечей такого баланса, как правило, являлось достижение баланса сил. Именно по этому совокупному показателю, включавшему не только

---

¹² По последним опросам ВЦИОМ, согласно мнению 51% из 1600 опрошенных, Горбачев принес стране больше вреда, чем пользы. 7% считают, что пользы было больше, а 32% полагают, что вреда и пользы было примерно поровну // Аргументы и факты. 2021. № 10.

¹³ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Издательство политической литературы, 1987. С. 138.

военный паритет, но сопоставимые результаты в экономической, технологической, торгово-финансовой и других основных сферах, социализм перманентно отставал от капитализма, и выправить отставание в короткий срок возможности не было.

А на фоне такого существенного отставания чистым идеализмом и прожектерством выглядели надежды, высказанные в призывах к Западу – «покончить с взглядами на внешнюю политику с имперских позиций» и «перешагнуть через то, что нас разделяет, ради общечеловеческих интересов»¹⁴.

Еще иллюзорнее выглядело в тот период получение согласия от Запаदा на практическое осуществление «для поиска пути к взаимопониманию и сотрудничеству на уровне межгосударственных отношений» теоретически привлекательной, но трудно выполнимой идеи «построения Европы от Атлантики до Урала»¹⁵, которая даже три десятилетия спустя фигурировала в предложениях современного российского руководства, но не реализована до сих пор.

А тогда стремление Горбачева к тому, чтобы его «новое политическое мышление» было с энтузиазмом поддержано в западном мире, на словах воспринятое там достаточно благосклонно, реального действенного отклика, на который рассчитывал советский лидер, так и не получило. Запад ограничился громкими славословиями в адрес его персоны, вручением Нобелевской премии мира и многочисленными заверениями и обещаниями, подавляющее большинство из которых не было выполнено, а такие принципиально важные, как нераспространение НАТО на Восток, вероломно порушены.

Впоследствии выяснилось, что иначе и не мыслилось. Идеалистические схемы «братского замирения» и сосуществования социализма и капитализма, которые предлагал Горбачев, Запад не устраивали. Вскоре после встречи лидеров СССР и США в 1989 г. на Мальте президент Дж. Буш-ст. открыто заговорил о «победе, одержанной Америкой в холодной войне», хотя, по мнению советского руководителя, «победителей в ней не было, и быть не могло».

---

¹⁴ Там же. С. 140-141.

¹⁵ Там же. С. 207.

Само собой разумеется, что представления о постбиполярном мироустройстве у сторон оказались совершенно противоположными. В то время как СССР рассчитывал на равноправное место в едином теперь, по его разумению, сообществе государств, входивших в «мировую элиту», Запад отводил ему «угол у себя в прихожей». Развал Союза в конце 1991 г. подтвердил, что оснований для такого подхода было более чем достаточно.

Суммируя изложенное выше, можно сделать ряд выводов. Распад социалистической системы, повлекший крах биполярности, был обусловлен комплексом проанализированных в целом ряде исследований причин и факторов, принципиально важными из которых представляются следующие:

1) В биполярном мире, основанном на политико-идеологическом противостоянии двух систем, слабым местом социалистического блока практически изначально являлась коррозия, разъедавшая отношения между двумя главными его членами – СССР и Китайской Народной Республикой. Она не позволила сделать это содружество монолитным, усилить прочность и нерушимость его политических, экономических, стратегических и иных важнейших основ, прямо и косвенно способствовала возникновению или проявлению изнутри разногласий и конфликтов, вплоть до вооруженных столкновений, приведших к усугублению ситуации в самом содружестве и резкому его ослаблению перед лицом реального противника – мировой капиталистической системы.

2) Не была достигнута главная цель в соревновании с капитализмом, которую ставил еще В.И. Ленин, предрекавший, что окончательная победа над ним возможна лишь тогда, когда социализм превзойдет капитализм *экономически*. Сделать это не удалось, с одной стороны, из-за ограничителей, присущих социалистической плановой экономике, а с другой – вследствие расходования ресурсов, имевшихся главным образом у СССР, на общие оборонные нужды и внешнюю помощь, часто безвозмездную, для менее богатых членов содружества в интересах сохранения идейно-политического единства в условиях жесткой конфронтации с сильным противником. Порою «укрепление социалистического лагеря», в противовес ослаблявшим его внутренним распрям и конфликтам, обеспечивалось за счет силовой экспансии (как,

например, в Афганистане), сопряженной не только с огромными финансовыми затратами, но и с морально-правовыми издержками, чреватými потерей позитивного имиджа.

3) Предпринятая горбачевским руководством попытка спасения и сохранения СССР, ослабевшего мирового социализма и умиротворения капитализма за счет перехода от конфронтации с ним к «новому политическому мышлению» потерпела крах не только в результате развала соцлагеря, но и вследствие идеализации намерений и замыслов противостоявшей стороны. В этих условиях ликвидация биполярной системы мироустройства становилась неизбежной. И его новая конфигурация стала определяться теми изменениями, которые возникли во взаимоотношениях акторов мировой политики, а также происходившими внутри них событиями.

4) Главным итогом ликвидации биполярности явилось состояние глобальной неопределенности, которым поспешили воспользоваться те, кто посчитал себя в выигрыше в результате свершившихся трансформаций. В первую очередь – Соединенные Штаты Америки.

1.2. Стремление США к мировому доминированию

Сложившаяся после распада СССР ситуация была использована Америкой в полной мере, причем не только для упрочения своего мирового господства, но, в первую очередь, для попытки коренного изменения сложившегося на тот момент мироустройства и установления однополярного мира. Главная суть продвигавшейся ею новой мировой системы состояла в том, что, по замыслу американских политидеологов, гегемония США должна была стать монополярной и приобрести мировой масштаб.

«Зоной американских интересов были фактически объявлены едва ли не все регионы планеты. При этом гегемон *открыто провозгласил свое «право»* на применение военной силы против других государств по собственному решению.... Произошел новый передел мира в своеобразной форме – без территориальных захватов «приобретаемых» (подчиняемых) стран. ...Соединенные Штаты создали империю нового типа – не территориальную, не имеющую административного формата и управляемую дистанционно»¹⁶.

---

¹⁶ Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.:«Международные отношения», 2014. С.18

Для СССР, а впоследствии России, первым знаком глобальных поползновений США к установлению монополярного миропорядка следовало считать расширение НАТО и его ориентацию на приближение сначала к советским, а затем к российским границам. И в этой ситуации ошибки и просчеты горбачевского и ельцинского руководства были непростительными.

Как считал академик Е.М. Примаков, в свое время «согласие СССР на объединение Германии и вывод советских войск могли реально быть разменяны на выход объединенного немецкого государства из НАТО, ...но этого не произошло ...при отсутствии настойчивой, неуклонной позиции советской стороны»¹⁷. А уж за нетрезвым «дирижером Ельциным», руководившим оркестром, под звуки которого российские солдаты покидали Берлин, наблюдали миллионы телезрителей во всем мире.

Курс на установление однополярного мира был взят США сразу после распада СССР и Организации Варшавского договора путем вытеснения Российской Федерации с ее ядерным арсеналом из числа лидеров мировой политики, нейтрализации на международной арене быстро прогрессирующего Китая, ликвидации неугодных режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Вашингтон самовольно, без санкций Совета Безопасности ООН, принялся инициировать зарубежные военные акции там, где расценивал ситуацию как угрозу собственной безопасности. Как утверждал Е.М. Примаков, «было много поводов подозревать США в осуществлении «цветных революций» в ряде стран СНГ, в подготовке аналогичного сценария в отношении России»¹⁸. Ставка в качестве альтернативы ООН на Североатлантический альянс, который из региональной организации превратился в глобальную, распространив свои действия далеко за пределы Европы, обеспечивала для США дополнительные рычаги, способствовав укоренению их монополярных устремлений.

«После того, как обрушилась биполярная конструкция мироустройства, многие..., в том числе в нашей стране, провозглашали всеобщий конец эры воздействия идеологии на политику. Такое представление оказалось

---

¹⁷ Примаков Е.М. Россия. Надежды и тревоги. М.: Центрполиграф, 2015. С.141.

¹⁸ Там же. С.142.

ошибочным»¹⁹. В дополнение к утверждению, что после распада СССР идеологическое противостояние антагонистически настроенных блоков сменилось противостоянием по линии стран – обладателей ресурсов и обладателей технологий, отчетливо проявилась тенденция, что «Соединенные Штаты остались державой, которая одевает свою внешнюю политику в идеологические одежды»²⁰.

Требованием мировой политики и показателем, определявшим будущее мировое развитие, являлось правильное понимание соотношения демократии и суверенитета государства. Для России демократизация стала процессом эволюционным, но исключительно внутренним с учетом ее исторических, цивилизационных и социально-экономических особенностей в отличие от «экспорта революции», свойственного в свое время СССР.

В сравнении с Россией США сочли «экспорт демократии» закономерной неизбежностью, поскольку под воздействием процессов глобализации в прошлое уходило, по их представлению, такое понятие, как государственный суверенитет, что позволяло Америке осуществлять вмешательство во внутренние дела других государств. Система «тотальной» демократии нужна была ей для того, чтобы обеспечить и сохранять монополярный мир, поскольку в полицентричном невозможно существование одинаковой для всех системы политического и экономического устройства.

И монополярность по-американски стала подкрепляться идеологическим единообразием, базировавшимся, естественно, на восхвалении «американской демократии» и неolibеральной экономической модели как эталонов для остальных стран. Претензии на доминирование аргументировались достигнутыми США успехами: уровнем развития, приобретенными ими неисчислимыми богатствами, достигнутым уровнем технологического прогресса, выдающимися результатами в военной области и привлекательностью модели социального устройства.

Один из главных апологетов мирового господства США Збигнев Бжезинский с нескрываемым торжеством провозглашал: «Масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня уникальны. Они (США) не только контролируют сегодня все мировые

---

¹⁹ Там же. С. 145.

²⁰ Там же.

океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля..., что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими последствиями. ... Экономический динамизм Америки служит необходимым предварительным условием для обеспечения главенствующей роли в мире. ... Америка сохранила и даже расширила свое лидерство в использовании новейших научных открытий, ... сохраняла свое значительное преимущество в области информационных технологий, имеющих решающее значение для развития экономики.

Короче говоря, *Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития...; в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры... Америка пользуется... притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, – все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова»²¹.*

Хотя на рубеже XX-XXI веков многое действительно складывалось так или почти так, как утверждал Бжезинский, однако за два прошедших десятилетия произошло множество перемен, не позволивших его прогнозам сбыться полностью.

Идеи всемогущества США, их экономического превосходства, технологического лидерства и «черно-белого» представления об окружающем мире как поле битвы демократии и авторитаризма пришли в состояние парадоксального конфликта с реальностью. Доля «могучей Америки» в глобальном производстве к концу первого десятилетия наступившего века намного уменьшилась в сопоставлении с той, которую она составляла у нее как одной из держав-победительниц во Второй мировой войне. Всего 18% мирового производства в 2010 г. по сравнению с 50% в 1945 г. оказалось сосредоточено в США²².

---

²¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: «Международные отношения», 2000. С. 32-36.

²² Цит. по: Блохин К.В. Американский неоконсерватизм – идеология слабеющего гегемона // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3. С.45-46.

По мнению ряда аналитиков, это свидетельствует о том, что главное противоречие, сохраняющее в новом виде биполярность современного мира, стало проявляться в противостоянии США и КНР. Постепенно уступая передовые экономические позиции Китаю, Америка обречена на то, чтобы уступить ему в конечном итоге лидерство в других сферах общественной жизни. Так, согласно авторитетным оценкам, предположительно в течение трех ближайших десятилетий китайская экономика выйдет на первое место в мире и существенно превзойдет американскую. Последствия этого не заставят себя ждать – «произойдет серьезная перестройка мировой экономической и валютно-финансовой системы, в которой США будут вынуждены играть подчиненную роль»²³. При этом не исключается, что потери на экономическом поприще они станут компенсировать военным усилением.

Главное в том, что, войдя два десятилетия назад в XXI век, мир вступил в новую историческую эпоху. В Америке многие убеждены, что Пекин готовится к «бессрочной конфронтации», пока не добьется цели – возглавить новый мировой порядок. Даже известный по прошлым дежаниям один из главных «китаефилов» Г. Киссинджер заявил, что «из ситуации, в которой оказались сегодня США и Китай, бесконфликтного выхода нет. Водораздел пролегает еще и по идеологической линии, на которую стороны до поры до времени не обращали внимания»²⁴. Действительно, сегодня многие американские политики вновь стали все чаще рассматривать соперничество между США и КНР уже не только как традиционную конкуренцию супердержав, но и как борьбу демократии с коммунизмом.

Китай, установивший 1 января 1979 г. дипломатические отношения с США, на протяжении 40 с лишним лет использовал свои связи с Америкой как своеобразный «трамплин» для прыжка из экономической, технологической и общекультурной отсталости к вершинам передового развития, в результате чего достиг уровня второй, а в некоторых областях и первой державы мира.

Ну а США, ликовавшие тогда по поводу этой «дипломатической удачи», знаменовавшей, по их мнению, окончательный отрыв КНР от

---

²³ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения. 2010. С. 8.

²⁴ Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С.15.

советского блока и оформлявшей т.н. треугольник, в котором они определили для себя место «кукловода», дергающего за нужные ниточки, поначалу даже не предполагали, что спустя почти полвека это «заигрывание» с Китаем обернется для них не только угрозой потери господствующего положения в мире, но и неурядицами, опасными для их внутренней экономической и политической стабильности.

В одном из своих докладов Комитет по разведке Палаты представителей Конгресса США откровенно признавал, что американская разведка оказалась не в силах угнаться за технологическим и, тем более, политическим прогрессом современного Китая: ЦРУ и еще 16 разведведомств Америки «проспали» его подъем, и Белый дом не представляет, что с этим делать. По утверждению главы Комитета Адама Шиффа, «к полноценной работе по китайской линии американские спецслужбы не будут готовы еще десятилетия», поскольку «в них слишком много специалистов по терроризму и Ближнему Востоку, но нет китаистов»²⁵.

Директор национальной разведки США, осуществляющий общее руководство всеми американскими разведывательными службами, Джон Рэтклифф твердо уверен в том, что «КНР сегодня представляет наибольшую угрозу для Америки... со времен Второй мировой войны» и что «Пекин намерен властвовать над США и остальным миром в экономической, военной и технологической сферах»²⁶. В итоге годовой бюджет американской разведки в 85 млрд долл. был перераспределен таким образом, чтобы уделять больше внимания Китаю²⁷.

Реальные цифры подтверждают выводы главного американского разведчика. Так, ВВП КНР, составлявший 40 лет назад 2% мирового (сегодняшний российский уровень), достиг к 2020 г. 18%, что составляет около 70% американского. Объем внешней торговли КНР исчислялся в тот период в 4 трлн долл. США, в то время как российский – всего 270 млрд долл. или почти в 15 раз меньше.

В то же время Поднебесная по-прежнему зависит от получения передовых западных технологий и остается тесно связанной с США не

---

²⁵ Почему оконфузилась разведка США // Аргументы и факты. 2020, № 42.

²⁶ Китай представляет наибольшую угрозу для Америки. URL: <https://news.rambler.ru/world/45370720-the-wall-street-journal-ssha-kitay-glavnaya-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti/?ysclid=lupymfnpc516560621>

²⁷ Там же.

только в торгово-экономической, но и в научно-технической области. По оценке правительства США, кража Китаем интеллектуальной собственности обходится Америке в 500 млрд долл. ежегодно²⁸. В ее числе – секретные оборонные технологии, применение которых нацелено на превращение КНР в могучую военную державу. Перспективные технологии, оказавшиеся в руках Китая, способны обеспечить его разведслужбам доступ к дополнительным возможностям для сбора разведывательной информации, создания сбоев и нарушений в работе средств связи потенциального противника, и для вторжения в частное пространство их пользователей.

По утверждению американских источников, Китай блокирует американские страницы в Интернете, отсекая своих граждан от информации из США потому, что она создает угрозу идеологическому контролю КПК, и разрабатывает наступательные кибернетические средства, которые будут направлены против США. В 2020 г. КНР провела масштабную кампанию влияния, целями которой стали многие члены американского Конгресса и их помощники²⁹.

Таким образом, впервые в американской истории глобальным соперником США стала не христианская, а мощная конфуцианская сверхдержава – великий Китай – именующая себя Средним царством или Поднебесной, что подразумевает наличие в национальном менталитете ее народа некоего чувства собственного превосходства по отношению к окружающим странам, которые заглазно именуются «варварами».

Кстати, присутствие такого самоощущения в китайской ментальности схоже со свойственным американцам аналогичным комплексом «собственного величия» (*superiority complex*), который позволяет им позиционироваться «гражданами самой могучей, справедливой и лучшей державы» на Земле. Заложено в национальном менталитете обеих стран самовосхваление в потенциале может стать немаловажным дополнительным фактором дальнейшего обострения антагонизмов и соперничества между ними. Оно в корне отличается от культивируемого современной Россией в своем народе чувства национальной гордости и собственного достоинства.

Бывший посол РФ в Соединенных Штатах В.П. Лукин называл их «духовной империей», воспринимающей себя «прямым уполномоченным

---

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Бога подавать всем идеальный пример земного существования, быть эталоном добра» и при этом органически не привыкшей мыслить себя в качестве просто «еще одной страны»³⁰.

«Незаменимой для мирового порядка страной с внешней политикой, отражающей моральные ценности», а американский народ – «моральным эталоном» считает США гуру политологии Г.Киссинджер, который, по мнению ряда авторитетных исследователей, призван выполнять «задачу примирения американского и китайского мировоззрений».

Из его книги «Мировой порядок»³¹ следует, что создание механизма нового миропорядка, изначально базировавшегося на традиционной вестфальской системе баланса сил, уже невозможно без учета конфуцианских постулатов «инь-ян», на которые опирается уравновешенность противоположностей. Согласно Киссинджеру, хотя история бесконечна и внешняя политика – тоже «не история с началом и концом», она представляет собой «процесс управления и смягчения вечно возвращающихся вызовов». Но он не согласен с тем, что становление новой системы миропорядка должно происходить через односторонний отказ США от своей доминирующей роли.

Наоборот, Киссинджер ратует за усиление американского лидерства во все более связанном и глобализующемся мире, в котором США, по его разумению, должны будут играть роль стабилизатора в различных «проблемных» регионах. Им предстоит находить баланс между антагонистическими полюсами, что, как он полагает, будет совсем нелегко.

При этом какие бы геополитические комбинации ни выстраивал Киссинджер в замыслах, излагаемых на страницах своих книг, стратегической целью их всех был и остается отрыв КНР от России, постоянное укрепление отношений между которыми угрожает мировой гегемонии США. Поэтому никакого построения многополярного мира, подразумевающего уважение национального суверенитета любой страны, Г.Киссинджер никогда не признавал и не признает.

Будучи постоянным и последовательным приверженцем политики баланса сил, подразумевающей заключение союза с более слабым из двух соперников, чтобы совместно победить более сильного, а затем свалить и

---

³⁰ Лукин В.П. Я не первый воин, не последний. Кн. 3. Ч. 2. - М. «Весь мир», 2021. С. 689.

³¹ Kissinger Henry. World Order. - Penguin Books, 2014. 432 pp.

слабого временного союзника, Киссинджер более склонен к поддержке России, которая после экономического коллапса 1990-х – начала 2000-х гг. по-прежнему существенно уступает и Америке, и Китаю.

В то же время Китай и Россия, по мнению Киссинджера, являются решительными защитниками национального суверенитета и главным препятствием на пути реализации давно им вынашиваемого в угоду представителям международной финансовой олигархии проекта создания «мирового правительства», который подразумевает доминирование «наднационального суверенитета», опирающегося на господство интеллектуалов и мировых банков.

При этом предполагалось, что идея национального самоопределения должна быть окончательно похоронена и исчезнуть из мировой повестки дня. А выработка внешней политики на надгосударственном уровне (по модели Евросоюза) должна была бы составлять общую цель мирового сообщества, несмотря на присущие этой модели определенные недостатки, главным из которых, как в случае единой Европы, являлся «властный вакуум» внутри системы в результате нехватки ей ряда необходимых компонентов надгосударственного управления, что и рассчитывали компенсировать США путем глобального внедрения однополюсной системы.

Это, однако, вызвало резко негативную реакцию не только у России и Китая, числящихся в когорте «великих держав», но и со стороны других стран Азии, Африки и Ближнего Востока, у большинства которых перспектива возникновения «нового гегемона», после веков господства прежних колонизаторов, не могла не вызвать отторжения и активного противодействия.

Еще одной серьезной проблемой при формировании нового миропорядка стало противоречие между экономическим глобализмом и по-прежнему действующими и необходимыми традиционными политическими институтами, основанными на национальном государстве. Процессы глобализации, игнорирующие национальные границы, которые являются неизменными атрибутами внешней политики, вылились в противоречие между определенными и ограниченными национальными целями и широкими идеалами мирового порядка. Новый миропорядок, таким образом, оказывался перед парадоксом, когда его становление, зависящее от успехов

глобализации, вызывало политическую реакцию, которая вступала в противоречие с ее целями.

Мироустройство, которое с распадом СССР на протяжении 30 с лишним лет оставалось нестабильным, переживает стадию турбулентности и локальные трансформации вследствие геополитического противоборства. Притязания США на гегемонию и мировое лидерство на безальтернативной, монопольной и перманентной основе были решительно отвергнуты КНР и Россией, отстаивавшими достигнутый между собой консенсус о необходимости формирования многополярного мира. И у каждой есть на то собственные причины.

Никакого «многополярного мира», подразумевающего уважение национального суверенитета любой страны, Киссинджер, естественно, не приемлет. Его идея, как отмечалось выше, состоит в том, чтобы *аккуратно* подрвать растущие двусторонние отношения КНР и России, угрожающие мировой гегемонии США. Способы такого «подрыва» он предельно откровенно охарактеризовал в одном из своих интервью репортеру американского издания *The Daily Squib* в 2014 г. Отмечая, что США «позволяли Китаю наращивать военную мощь, а России восстановиться от «советизации», он подчеркивал, что все это делалось исключительно для того, чтобы «дать им ложное ощущение бравады» с целью ускорить их погибель. Говоря о «надвигающейся войне», Киссинджер характеризовал ее как «столь жестокую, что выиграть ее может лишь супердержава. А это мы».

Нынешние события на Украине отчасти подтверждают прогнозы Киссинджера восьмилетней давности о реальной возможности возникновения войны, но свидетельствуют и о том, что не все пророчества «патриарха американской политологии» сбылись на деле.

В США давно распространяется тезис об «экономической неадекватности России. Украинские события явились поводом не только для того, чтобы подтвердить это воочию, но и привлечь к ее «наказанию» своих союзников по НАТО, объявив Москве «коллективную экономическую войну». Объявленная Западом «война санкций» нацелена, в том числе, и на то, чтобы похоронить надежды России на быстрое преодоление ее экономического отставания. Ведь не секрет, что ее ВВП составляет ныне лишь 2% мирового, что очень мало на фоне 20% у США и 17% у Китая. При

этом, по утверждению международного исследовательского центра «Историческая статистика мировой экономики», по ряду ключевых показателей развития РФ отстала от ведущих экономик мира на 30-40 лет³².

За экономической изоляцией просматривается изоляция политическая. И хотя до тотального выдавливания России из всех международных форматов с участием Запада дело пока не дошло, и РФ старается укреплять связи с теми странами, которые могут считаться для нее дружественными или потенциально нейтральными, западное участие в военном обеспечении боевых действий Украины против Москвы свидетельствует, что при определенных обстоятельствах страны НАТО могут не погнушаться прямым участием в этом вооруженном конфликте.

Нравится нам это или нет, но следует признать, что США до сих пор остаются одной из наиболее последовательных в своей внешней политике стран: в глобальном насаждении «демократии по-американски», через которое происходит навязывание остальным странам их собственной идеологии, американского образа жизни и, в конечном итоге, утверждение главенствующей роли Америки в мире.

По существу она и является настоящей современной империей, которая для проведения неоколониальной политики вместо старых силовых технологий использует новые современные сетевые. Зоной нацеленности такой политики, помимо ближайших западных союзников, являются государства «третьего мира», которые интересуют США, прежде всего, в качестве рынков сбыта и источников эксплуатации материальных и людских ресурсов. Фактически своими колониями Штаты представляют весь мир, и «вина» России перед Америкой состоит в том, что в конечном итоге она не пожелала стать таковой, хотя в 1990-х гг. уже начала продвигаться по этому пути.

Одним из главных «завоеваний» «империи по-американски» стало разрушение системы международного права, установленной после Второй мировой войны в качестве балансирующего фактора биполярного мироустройства. «Лишая суверенитета одно государство за другим, США утвердили тезис, что сила – это и есть право. Именно так они действовали в

---

³² Приводится по: Костиков В. Штрихи к картине мира. Изменится ли мироустройство после событий на Украине? // Аргументы и факты. 2022. № 11.

Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, ввергли в хаос междоусобицы Украину»³³.

Переустроить мир согласно собственным представлениям, игнорируя принципы территориальной целостности государств, право самоопределения населяющих их народов, право восстановления государственной принадлежности или обретения собственной государственности, стало привычным соответствием американским новодемократическим устоям. В связи с этим в руководящих кругах США в свое время возникал вопрос о *несоизмеримо огромной территории, занимаемой Россией в сопоставлении с ее ослабленной национальной мощью*. Восстанавливая ее, РФ стала сильным раздражителем для Америки и остального западного сообщества.

Проникновение в постсоветское пространство и разрушение связей России с новыми независимыми государствами – бывшими республиками СССР – явилось одной из его главных задач. Центральная Азия стала по-настоящему интересовать США с 1991 г. В 1997 г. Вашингтон объявил государства ЦА зоной своих долгосрочных интересов, а в марте 1999 г. американский Конгресс принял «Акт о стратегии Шелкового пути» в целях «поддержки» экономической и политической независимости стран Центральной Азии.

На протяжении десятилетий менялось отношение США и к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – основной международной организации региона. Оно прошло путь от пассивного наблюдения Вашингтона за ее деятельностью через активную заинтересованность в ней как факторе снижения в ЦА роли Москвы и пришло к обеспокоенности по поводу российско-китайского сближения в рамках ШОС и очевидного «противостояния» ее, по оценке западных исследователей, странам НАТО во главе с США.

В ответ на Астанинскую декларацию ШОС от 5 июля 2005 г. с призывом к США определить сроки вывода из Центральной Азии их баз, размещенных в Киргизии и Узбекистане для борьбы против афганского «Талибана» (*организация, запрещенная в РФ*), Палата представителей американского Конгресса расценила ее как «явную попытку России и Китая выдавить Америку из этого региона». Объявленное в феврале 2009 г.

---

³³ Коровин В. Кто здесь империя? // Аргументы и факты. 2016. № 39.

Киргизией намерение закрыть для США и их союзников по НАТО авиабазу «Манас» было воспринято американской стороной аналогичным образом.

Американские шаги по сохранению и расширению влияния США не только в Центральной Азии, но и на глобальном уровне не прекращаются до сих пор, принимая различные виды и формы. А отдельные страны, в том числе и в ЦА, слишком дорожат отношениями со Штатами, чтобы ставить их под удар, нарушая те порядки, которые пытается установить Америка в мире.

Россия, утратившая в качестве правопреемницы СССР статус «великой державы», но стремящаяся удержаться в глобальной элите, прежде всего, путем укрепления своей силовой мощи, устами Президента В.В.Путина, выступавшего на Валдайском форуме в октябре 2022 г., фактически признала, что ее спецоперация на Украине – это не только региональные боевые действия против неугодного киевского режима. Речь идет о конфликте с Западом, т.е. по существу о развертывании борьбы между «старым и новым мирами» за переформатирование всего мироустройства.

1.3. КНР: путь к глобальному статусу

За семь с лишним десятилетий существования Китайская Народная Республика все-таки совершила свой «большой скачок» и, преодолев массу преград и препятствий, прошла путь от экономически и технологически отсталой и зависимой страны к вершинам общемирового передового развития, в результате достигнув статуса второй, а в чем-то первой державы мира.

Как КНР удалось добиться всего этого за сравнительно короткий по историческим меркам срок? Нельзя ответить на этот вопрос однозначно. Причины взлета современного Китая имеют комплексный, сложный характер и многие составляющие. У них есть исторические корни, взращенные на почве противоречия между восприятием издревле себя – Поднебесной – «центром Вселенной», осчастливившей все остальное человечество, а в собственном китайском представлении – варваров – рядом великих изобретений и открытий, но, вместо всеобщей благодарности, подавлявшейся этими «варварами» на протяжении веков вместе с народом, прозябавшим в нищете и отсталости.

Здесь и вызревшее из внутренней убежденности в собственном превосходстве стремление доказать миру, что прошлые унижения и обиды канули в Лету, и к ним нет и не будет возврата. Это, наконец, оправданное в представлении единой ханьской нации амбициозное желание восстановить статус Китая как доминирующей силы в Восточной Азии, чтобы затем перестроить окружающий мир сообразно собственным идеям о «гармонии мироздания».

Для достижения всех этих целей требовалось пройти по тернистому пути от провалившегося первоначально «большого скачка» к нынешнему «космическому» взлету. Это, безусловно, никогда бы не состоялось при отсутствии присущих национальному характеру китайцев таких важных черт, как трудолюбие, упорство, самоотречение, жертвенность, смекалка, сообразительность и ловкость. Но роль сыграло не только это.

Благодаря особенностям национального характера и дешевизне рабочей силы, Китай постепенно превратился в мировую фабрику по изготовлению всего, что только можно вообразить. Простые и незатейливые изделия марки *Made in China* очень скоро стали настолько популярными и конкурентоспособными, что практически вытеснили аналогичную продукцию других стран с мирового рынка.

На определенном этапе экономических преобразований в стране «отец китайских реформ» Дэн Сяопин сформулировал линию поведения для их реализации. Его призыв «оставаться в тени, проявлять скромность, не высовываться, набраться терпения» был воспринят во всем остальном мире фактически как требование Китая к самому себе «не рваться в лидеры», т.е. отказаться от состязательного соперничества и ненужных амбиций, заняться внутренним переустройством и улучшением жизни людей.

Такая трактовка «формулы Дэна» успокоительно и даже «усыпляющее» воздействовала на всех (кроме самих китайцев), а особенно на те страны, включая США, которые с опаской посматривали на КНР как потенциального соперника на мировой арене.

По мнению видного российского исследователя военных доктрин КНР и Японии, кандидата исторических наук, полковника Генштаба ВС РФ А.В. Шлындова (1948-2018), российскому политическому и военному руководству необходимо было иметь в виду, что «высказывание Дэн

Сяопина о том, что «Китай должен вести себя тихо и не высовываться», не следует понимать в буквальном смысле».

Он вспоминал, что во время его пребывания в КНР один из профессоров Пекинского университета разъяснял суть «формулы Дэна» следующим образом: «Дэн Сяопин, будучи хорошо знакомым с древними китайскими текстами, ... процитировал слова одного из таких трактатов, который повествовал о событиях тысячелетней давности, когда китайские феодальные царства вели бесконечные междоусобные войны. Одно из них, потерпев поражение от более сильного соседа, терпело всяческие унижения, но делало все возможное, чтобы не провоцировать его. Тем временем оно накапливало силы, выжидая удобный момент для взятия реванша и наказания обидчика. По прошествии нескольких лет бывший победитель, увязнув в войне с другим царством, серьезно ослаб. В результате были созданы благоприятные условия для успешной атаки на него, чем и воспользовался бывший побежденный».

По мере усиления Китая, подчеркивал А.В. Шлындов, «нарастают и его амбиции. Шаг за шагом он расширяет зону своих национальных интересов. Становясь второй сверхдержавой современного мира, Китай будет выжидать удобное время, чтобы заявить об этих интересах с позиций накопленной силы»³⁴.

В беседе 21 августа 1982 г. с тогдашним генеральным секретарем ООН Х.П. де Куэльяром Дэн Сяопин заверял, что хотя Китай принадлежит к «третьему миру», но его лидером быть не может: «Станешь лидером – испортишь дело»³⁵, – утверждал он. По его словам, лишь через 30-50 лет КНР могла оказаться в состоянии приближения к уровню развивающихся стран. «Мы говорим, что приблизимся, а не догоним и тем более не перегоним»³⁶, успокаивал руководителя Секретариата ООН руководитель КНР.

Для китайцев же заложенный в формуле Дэна глубинный смысл означал главное – *готовиться и ждать своего часа*, который настал в конце второго десятилетия XXI века, когда Китай прочно занял место одного из мировых гигантов, причем не только в экономике, но и в сферах геополитики

---

³⁴ Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки. ИДВ РАН, М., 2019. С.173-174.

³⁵ Дэн Сяопин. Избранное. Том 2 (1975-1982). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. С.516.

³⁶ Там же. С.517.

и глобальной безопасности. По времени это практически совпало с периодом, когда в вашингтонском Белом доме обосновался 45-й президент США Д. Трамп.

Отличительным свойством китайской политики всегда была привычка «действовать втихомолку». Вплоть до правления Дэн Сяопина Китай придерживался принципов изоляционизма, прикрываясь риторикой о неприсоединении. С «воцарением» Дэна КНР начала усиленно развивать собственный путь независимой политики, но без особой координации и взаимодействия с другими странами мира.

И лишь с вступлением Цзян Цзэминя на пост Председателя КПК, страна стала постепенно переходить к коллективизму во внешней политике, стремясь, с одной стороны, к стабильности в отношениях с США, а с другой, постепенно разворачиваясь в направлении блокового сотрудничества.

В 1996 г. по инициативе Цзяна при участии России и центрально-азиатских государств создается «Шанхайская пятерка» – прообраз ШОС. В 1997 г. выдвинутая руководителем КНР идея «нового мышления» в сфере международной безопасности с акцентом на развитие отношений между Китаем и АСЕАН воплощается в формирование между ними зоны свободной торговли.

Таким образом, покидая в 2003 г. пост китайского лидера, Цзян Цзэминь оставлял своему преемнику ШОС со штаб-квартирой в Пекине и полностью отлаженный механизм взаимодействия КНР и АСЕАН – две коллективные системы сотрудничества без американского участия и влияния.

А последующий выход Китая в начале второго десятилетия XXI века за пределы, очерченные формулой Дэн Сяопина из 28 иероглифов, не стал неожиданным, а был вполне естественным и объективным событием, закономерным следствием наращивания КНР своей комплексной мощи, оценка влияния которой на окружающий мир, столь важная для самого Китая, стала возможной лишь на фоне реакции внешней среды на проявления этой мощи. Одновременно выход Китая «вовне» стал ответом тогдашнего руководства КНР на критику в его адрес со стороны тех сил внутри страны, которые считали, что величие и могущество демонстрируются не одними экономическими достижениями, но и активной наступательной позицией на геополитическом поле.

Отличие китайского менталитета от западного и его особенности, дающие понять разницу сторон в подходе к международным отношениям и мировой политике, предметно разъяснил в свое время Г.Киссинджер в мемуарно-историческом труде «О Китае», выделив три специфические черты, оказывающие, по его мнению, решающее влияние на взаимоотношения Китая с другими государствами.

К ним он отнес «развитое чувство стратегии, тонкость и непрямому, независимость позиции и неприятие любого вмешательства в собственные внутренние дела».

Характеризуя «развитое чувство стратегии» китайцев, Киссинджер обозначил три различия между Китаем и Западом:

а) в целях китайских и западных стратегов, когда первые стремятся к достижению относительного преимущества в то время, как вторые – к полной победе. В то же время, стратегемность, свойственная мышлению китайцев в политике и военном деле, означает поэтапное, рассчитанное на длительные периоды и неуклонное движение, пусть и «малыми шагами», к поставленной *главной* цели. Стратегическое планирование в Китае осуществляется не на годы, а на десятилетия и даже на столетия вперед;

б) *в методах*, когда в Китае стремятся достичь своих целей, не прибегая к конфликту, путем создания доминирующей позиции отказа от него, а на Западе – путем победы в конфликте;

в) *в отношении к союзникам*, когда, избегая формирования полноценных альянсов, упор делается в первую очередь на использование «дальних» (менее опасных на данный момент) «варваров» (любых не-китайцев) для нанесения поражения более опасным в текущий период «варварам ближним».

В качестве примера китайской «тонкости и непрямоты» Киссинджер предложил свой вариант описания кризиса 1958 г. в Тайваньском проливе как прелюдии советско-китайского раскола, когда обстрелы и бомбардировки прилежащих к Тайваню островов Пекин начал без всякого уведомления СССР – своего ближайшего на тот момент союзника. При этом все выглядело так, как будто эти шаги были с ним согласованы, и фактически означало, что Москва готова пойти на риск ядерного противостояния с США.

«Независимость позиции и неприятие Китаем любого вмешательства в его внутренние дела» американский политолог иллюстрировал множеством примеров того, как чувствительно относятся китайцы к любому иностранному влиянию.

Киссинджер подчеркивал, что корни такого отношения кроются в историческом периоде, именуемом в Китае «веком позора», начиная с первой опиумной войны (1840-1842) до прихода к власти КПК (1949), когда главным его проявлением было принуждение китайской стороны к заключению неравноправных договоров, предоставлявших иностранцам особые права, включая право экстерриториальности, т.е. неподсудности китайским органам юстиции.

В то же время, уже на протяжении всех 1970-х гг., отмечал он, «Пекин гораздо резче выступал против советских планов, чем это делало большинство американской общественности или Конгресс США».

Здесь уместно напомнить, что хотя на официальном уровне территориальный вопрос между КНР и Россией считается решенным, в некоторых китайских СМИ, а также в научной, публицистической и военной среде продолжается муссирование «незаконности и унижительность» для Китая договоренностей о территориальном размежевании с Россией, и немалая часть китайских экспертов по-прежнему настаивает на том, что царская Россия аннексировала 1,5 млн кв. км китайской территории, а советский подход к вопросу о государственной границе был несправедливым.

Из этого следует, что территориальные претензии Китая могут быть попросту «положены под сукно» и на определенном этапе возникнуть вновь, что вполне реально, особенно, если иметь в виду, что восприятие хода времени у китайцев отличается от западного, где его течение представляется линейным процессом, исключаяющим повторение событий. Для китайцев же оно является круговым, т.е. предполагающим повторение пройденного, другими словами, очередную возможную смену «великой дружбы» витком обострения отношений вплоть до вооруженного конфликта.

В любом случае, по мере усиления Китая и роста его внешних амбиций становится очевидным, что отстаивать и продвигать свои стремления он будет с использованием всех доступных средств, включая военные. Как

заявил накануне состоявшегося в ноябре 2013 г. визита в Пекин тогда еще вице-президента США Джо Байдена Председатель КНР Си Цзиньпин, «Китаю пора превратиться в страну, которая сама вырабатывает правила, а не просто следует чужим»³⁷.

Если в прошлом в качестве одного из приоритетов китайской внешней политики мирного сосуществования фигурировала формула «взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга», то сегодня, когда взаимоотношения КНР с другими странами становятся более тесными, многие их чисто внутренние вопросы, так или иначе связанные с международной проблематикой, затрагивают и национальные интересы Китая. Поэтому «невмешательство», в таких случаях, безусловно, противоречит защите его основных интересов.

И возникли следующие вопросы: «Будет ли Китай при росте национальной мощи продолжать придерживаться принципа «невмешательства»? Как китайская дипломатия проявит себя в защите национальных интересов КНР?».

Ответы на них в 2016 г. попытался дать заместитель директора Института международных отношений при Пекинском университете профессор Ван Ичжоу в книге «Созидательное вмешательство – новое направление китайской дипломатии»³⁸.

Резко осудив «миф о китайской угрозе», автор определил «созидательное» или «инициативное вмешательство» как дальнейшее переосмысление и развитие принципа «невмешательства». По его мнению, уделение Китаем на новом этапе развития большего внимания происходящим глобальным переменам и более активное участие в них вовсе не означают «интервенцию» или «противостояние» с его стороны.

Основным методом КНР в сложившихся международных условиях, считает Ван, является «наращивание диалога с той или иной стороной и, таким образом, «совершенствование, преобразование с прицелом на будущее». В основу такой «инициативности» и заложен принцип «созидательного вмешательства», покоящийся на «разумности и здравом смысле, присущем китайской культуре и философии».

---

³⁷ Шлындов А.В, Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки. М.:ИДВ РАН, 2019. С. 174.

³⁸ Wang Yizhou. Chuanhzaoxing jiaqu zhongguo waijiao xin quxiang. Beijing daxue chubanshe, 2016.

Всесторонне проанализировав ряд современных международных проблем, в частности, отношения между берегами Тайваньского пролива, между КНР, США и Японией, а также проблему Южно-Китайского моря, профессор Ван Ичжоу высказал соображения относительно дипломатического курса страны, подчеркнув, что когда Китай был бедным и отсталым, «он придавал большое значение противодействию внешнему давлению и противостоянию гегемонии».

В новую эпоху основным элементом его внешнеполитической деятельности должна стать инициатива. При этом достаточное внимание следует уделять совершенствованию внутренних структур, социальному развитию, чтобы «покорять мир творческой и созидательной “притягательной” силой»³⁹.

Приблизительно тогда же другие видные китайские политологи категорически исключили возможность возникновения крупномасштабных войн между великими державами по причине отсутствия в современном мире противостоящих военных союзов, а также «намерений, желаний и необходимости» их (эти войны) начать⁴⁰.

Отмечалось, что, провозглашая «оборонительный характер» своей военной политики, КНР является участницей «обычных геополитических процессов,... идет по пути США и ряда других стран, используя для защиты своих экономических интересов, которые становятся больше с каждым годом, армию и флот». При этом в мире все большее опасение вызывает то, что Китай «поднимает голову».

Оставив далеко позади Россию на экономическом поприще, КНР фактически заняла на глобальном уровне место, принадлежавшее СССР в период существования в мире биполярной системы. Однако у американо-китайского противостояния, пришедшего на смену советско-американскому, безусловно, имеются свои особенности и нюансы. У СССР и США наличествовал ядерный паритет. Что касается нынешних отношений США с Китаем, то какими бы все более и более напряженными ни становились они во всех сферах – экономической, политической и военной, превосходство Америки в ядерных вооружениях сохранится в обозримом будущем и на

---

³⁹ Китай. 2016. № 9. С.15.

⁴⁰ См. Сюэ Ли. Мир – результат консенсуса держав // Китай. 2015. № 9. С.52.

определенное время обеспечит ей некоторые силовые преимущества в диалоге с КНР.

Исходящее со стороны Китая утверждение о том, что ядерный компонент в характеристике совокупной мощи стал менее значимым, поскольку якобы сами США выступили с инициативой ядерного разоружения, имеет скорее пропагандистский и успокоительный смысл. В его сути коренятся опасения не только за сохранность индустриально-технологической инфраструктуры в случае нанесения ударов ОМП по территории КНР, но, главным образом, за неизбежные и масштабные людские потери ввиду большой демографической плотности и перенасыщенности населением регионов, становящихся их целью. А «спусковым крючком» для возникновения подобной ситуации гипотетически остается тайваньская проблема.

Как отмечалось выше, привычка «действий втихомолку» всегда была характерна для творцов китайской политики. И при этом вплоть до смерти Дэна в 1994 г. КНР сторонилась участия в блоках, альянсах и объединениях, проводя собственную «независимую политику».

Блоковое сотрудничество стартовало при Цзян Цзэмине, а с приходом к власти в стране под лозунгом «мирного возвышения Китая» Ху Цзиньтао оно трансформировалось в позиционирование КНР одним из потенциальных лидеров на мировой арене, выступающим за «становление нового мирового порядка, демократизацию и многополярность международных отношений». Вскоре в связи с подозрениями в намерениях «возродить китайскую империю» лозунг «мирного возвышения» был заменен лозунгом «мира и развития», хотя именно «возвышение» следовало считать формулировкой, отражающей истинные намерения китайского руководства⁴¹.

По существу Ху Цзиньтао уже тогда был нацелен на то, чтобы не просто вывести Китай на уровень региональной державы, но поставить его в ряд ключевых игроков мировой политики, создав своеобразный «полюсный противовес». Структуру международных отношений в то время в Пекине видели как трехполюсную, формирующуюся из трех «коллективных узлов»: восточно-евроазиатского во главе с самим Китаем; европейского,

---

⁴¹ Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Центр исследований Восточной Азии и ШОС. Аналитические записки. Выпуск 1(21), январь 2007. С.25.

базирующегося на оси «Париж-Берлин»; и англосаксонского, сконцентрированного между США и Великобританией⁴².

На пути усиления национальной мощи в начале XXI века Китай достиг немалых успехов, однако они не изменили коренным образом его облик развивающегося государства, хотя и создали фундаментальные предпосылки для дальнейшего поступательного развития и качественных изменений в уровне жизни населения КНР.

В то же время проблема «мирного возвышения» или попросту подъема страны, громко заявившей о себе на международном уровне, была связана не только с укреплением ее внешнего авторитета, но с преодолением возникших в условиях глобализации как минимум трех внутренних противоречий.

Первое из них касалось колоссального роста потребления ресурсов, в первую очередь, энергетических. Невиданный рост потребностей Китая в сырье привел к взлету цен на нефть и сделал проблему энергообеспечения ключевой при реализации планов упомянутого подъема.

Второе – громадная плата за ускоренное развитие КНР в сфере экологии. Угрожающее человеческой жизни загрязнение окружающей среды и общее ухудшение состояния экосистемы требовали принципиальных изменений в подходах к методам потребления энергии, введения ресурсосберегающей системы, проведения воспитательной работы среди населения страны.

Третье противоречие порождалось серьезным дисбалансом между экономическим и социальным развитием. Возникший в результате прежнего усиленного акцента на экономический рост этот дисбаланс привел к огромным диспропорциям в развитии Китая, породил глубокую имущественную дифференциацию между богатыми и бедными, превысившую все допустимые критерии, увеличил разрыв между городом и деревней, между индустриальным и аграрным секторами экономики, между быстроразвивающимися приморскими и внутренними, более отсталыми районами страны, превращенными в своеобразный «резервуар» для выкачивания природных, человеческих и интеллектуальных ресурсов.

Осознавая остроту указанных противоречий и вызовов, Пекин стремился выработать стратегию их преодоления, связанную с выдвиганием

---

⁴² Там же. С.27.

новой концепции развития и выработкой иных подходов к решению проблем индустриализации, с отказом от старого ее типа и выбором инновационного пути развития, опирающегося на высокие технологии, экономическую эффективность, ресурсосбережение, охрану окружающей среды и другие преимущества⁴³.

Исходя из этого, и во внешней политике Пекин постоянно и неизменно подчеркивал нацеленность на максимальное использование возможностей экономической глобализации, извлечение выгод и опыта из достижений общечеловеческой цивилизации, на отбрасывание идеологических предвзятостей и шаблонов, что естественно предполагало отказ КНР от стремления к гегемонии и лидерских амбиций.

Небывалые успехи Китая на рубеже веков стали важнейшим фактором мировой политики и международных отношений. Страна совершила мощный экономический рывок. Среднедушевой ВВП ее с 1978 по 2005 гг. вырос почти в 7 раз – с 260 до 1760 долл. А общий ВВП, составлявший в начале первого десятилетия XXI века около 1,5 трлн долл., или 4,37% мирового, к концу его вырос более чем вдвое – до 9,27%. В общемировой торговле товарами доля КНР в 2009 г. достигала приблизительно 9%, из которых 9,9% приходилось на мировой экспорт и 8,1% на мировой импорт. В 2003 г. эти показатели были соответственно 5,9% и 5,3%.

По абсолютным показателям производства многих важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции Китай вышел на передовые позиции в мире, став «всемирной фабрикой», воспроизводящей по западным образцам ширпотреб, а также «мировым сборочным цехом». По данным ВТО, продукция с маркой *Made in China* составляла в середине «нулевых» гг. XXI века 1/7 товаров на мировых рынках и более 15% прироста глобального ВВП. Страна, располагавшая всего 7% пашни на планете, обеспечивала 20% мирового производства зерновых и вошла в число стран с наивысшими показателями ожидаемой продолжительности жизни.

Однако в то же время Китай осознавал свою главную слабость – успехи были достигнуты не на отечественной, а на чужой технологической базе. Задача превращения страны из «мировой фабрики» в один из глобальных

---

⁴³ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 9-11.

инновационных лидеров была продекларирована, но к 2008 г. на КНР приходилось лишь 570 млн долл. (0,3%) мирового оборота отчислений за использование прав интеллектуальной собственности, в то время как на США – 91,6 млрд долл.(50%), а на Японию – 25,7 млрд долл.(14%).

Среди других недостатков и слабостей Китая особо выделялись:

а) нерациональность экономической структуры, проявлявшаяся в сочетании крайне отсталых предприятий с современными;

б) длительность замены экстенсивной модели экономического роста на интенсивную;

в) расточительное расходование энергетических и иных ресурсов;

г) сильное разрушение и загрязнение окружающей среды.

Опережающий рост экспорта резко увеличил внешнеторговый профицит Китая и вывел его по золотовалютным запасам на первое место в мире. Вместе с тем, чрезмерное возрастание золотовалютных резервов ослабило эффективность монетарной политики, создало давление со стороны США на национальную валюту – юань.

Наступил момент, когда в погоне за внешним покупателем Китай обнаружил, что рискует потерять внутреннего. После глобальных экономических потрясений 2008-2009 гг. КНР, сохранив ориентацию на экспорт товаров, потратила огромные средства ради роста своего внутреннего рынка. В начале второго десятилетия нынешнего века руководство страны в идеале намеревалось видеть его не просто высоким, но и иметь развитую промышленность, превратив Китай в международный центр накопления капиталов, что в сочетании выглядело малореальным при сохранении изначально присущей КНР идеологической парадигмы.

Период «идеологического упорядочения», или адаптации идейных основ, определяющих организацию китайского общества, к развитию экономики страны начался с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина, сына одного из сподвижников и приближенных Мао Цзэдуна Си Чжунсюня – политического деятеля, принадлежавшего к первому поколению китайских революционеров, члена Политбюро (1982-1987) и Секретариата (1982-1985) ЦК КПК.

Идеологическое обновление стартовало в 2012 г., но официально было закреплено в документах XIX съезда КПК лишь в октябре 2017 г. В качестве

«руководства к действию» в Устав китайской компартии были внесены «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи». В рамках этой системы, по утверждению большинства китайских политологов и экономистов, должен был происходить «синтез» или сближение государственно-социалистических и либерально-экономических принципов, переход от экстенсивной к интенсивной, инновационной модели экономической модернизации.

Сильной стороной новой системы стало умелое «вплетение» Си Цзиньпином в идеологию «социализма с китайской спецификой» традиционной (исторической) мотивации – желания китайской нации возродить могущество и величие древней китайской цивилизации. «Председатель Си инкорпорировал в традиционные коммунистические идеологемы живую китайскую историю, понятную и близкую простому китайцу»⁴⁴.

Формирование основ великой державы и запуск процессов «возрождения великой китайской нации» потребовали от руководства КНР смены модели экономического роста – перехода на инновационный путь, использование внутренних ресурсов, включая технологический рост.

После XIX съезда КПК контуры экономической перестройки в Китае неоднократно уточнялись и дополнялись. Госсектор был сохранен, но на повестку дня встали вопросы реформирования банковского, энергетического и аграрного секторов, решение проблем перепроизводства отдельных видов продукции – стали, угля и пр., сложности тарифной политики. Была разработана система стимулирования социально-экономического развития на основе главных требований 13-й пятилетки, выраженных в концепции «Инновация, координация, экологичность, открытость и совместное использование».

Прошедший в октябре 2022 г. XX съезд КПК внес неизбежные текущие коррективы в движение Китая по пути становления в качестве модернизированной ведущей глобальной супердержавы. И хотя до намеченного срока достижения к 100-летию существования КНР этой цели времени вполне достаточно, но уже сегодня очевидно и ясно то, что ход идейно-теоретической и экономической эволюции в стране строго

---

⁴⁴ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИД «Форум», 2018. С. 14.

контролируется. И главным в нем представляется «не отрицание предшествующих идей и лидеров, а включение их в целостный процесс постоянного обновления..., то есть сочетание принципов преемственности и развития с целью сохранения необходимой для дальнейшей модернизации страны общественно-политической стабильности»⁴⁵.

1.4. Россия в поисках самоидентификации

После распада СССР Россия прошла труднейший 30-летний путь самоидентификации, позиционируя себя в процессе этого в качестве одного из «ведущих игроков» на мировой арене. Этот путь был не прям, а тернист и извилист, начиная с того, что после распада Советского Союза ведущие страны Запада, объявившие себя «победителями в холодной войне», отказались признавать за Россией такой статус. Однако главным препятствием, мешавшим ей определить свое место в мире, была не обструкция Запада, а раскол внутри российского общества, который так и не удалось преодолеть до конца.

Наличие, переплетение и острая конфронтация различных «правд» в умах россиян – явный показатель того, что РФ до сих пор не определилась со своей идентичностью. Можно отчасти соглашаться с утверждением, что истина не существует в единичном экземпляре, а «правда у каждого своя», в зависимости от интересов и личных пристрастий. Но беда состоит в том, что в российском обществе нет согласия даже по ключевым и важнейшим политическим, экономическим и нравственным вопросам. При этом, как утверждается, «не возникло институциональных инструментов (кроме силовых), которые помогали бы гражданам находить общенациональный консенсус»⁴⁶.

Правда, началось это не вчера и не сразу. Российскую историю давно трактовали по-разному и переписывали многократно. Таким образом отдавалась дань идеологии, которая на определенном историческом этапе стала доминировать в общественных науках и общественном сознании. Советские источники, например, в один голос утверждали, что дореволюционная Россия в массе своей была «убогой, экономически и

---

⁴⁵ Смирнов Д.А. Идеино-теоретическая платформа КПК. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., ИДВ РАН, 2022. С.17.

⁴⁶ Аргументы и факты. 2016. № 35, 2016. С.6.

технически отсталой «тюрьмой народов», населенной безграмотными и забитыми людьми».

По свидетельству же современных российских историков, статистика «достижений» первых десятилетий советской власти до начала 1990-х гг. умышленно не предавалась ею огласке, и ряд документов хранился под грифом «секретно» только потому, что они проигрывали своими цифровыми данными показателям развития дореволюционной России.

К примеру, выработка электроэнергии, выросшая во времена царствования Николая II в 100 раз, в первые годы правления большевиков упала в 1,6 раза, выплавка стали, увеличившаяся при царе в 4,3 раза, сократилась втрое, а добыча нефти – в 1,4 раза. В 1917-1928 гг. в 1,5 раза уменьшилось количество больниц, выросшее при царе вчетверо. А медицина и образование стали бесплатными еще в царской России, где ликвидация безграмотности была начата в конце XIX века и в 1913 г. за партами в начальной школе сидело больше детей, чем в 1928 г.

Известно, что к началу Первой мировой войны Россия первенствовала в мире по темпам промышленного роста, к 1917 г. обладала самым большим военно-воздушным флотом. Ее задел в космических технологиях восходит к 1911 г., когда К.Циолковский вывел формулы преодоления земного притяжения и разработал принципы реактивных ракет. Благодаря А.Попову в 1895 г. Россия стала родиной радио, а в 1907 г. запатентовала способ «электрической передачи изображений на расстояние» и в 1911 г. в ней была проведена первая в мире телепередача данных.

В то же время она оставалась крупнейшей аграрной державой, кормившей хлебом всю Западную Европу. России принадлежало в 1913 г. первое место в мире по производству ржи, ячменя и овса. Самая протяженная железнодорожная магистраль Транссиб длиной в 10 тыс. км также проходила по ее территории.

Западные экономисты, пристально следившие за Россией, в своих тогдашних прогнозах единодушно сходились в том, что, «еще 40 лет подобного движения вперед – и к середине XX в. Россия станет мировым лидером, оставив позади США, Англию и Германию, которым уступала на тот момент. Но вместо этого страну потряс Октябрьский переворот...»⁴⁷.

---

⁴⁷ Аргументы и факты. 2017. № 32. С.38.

Развал Российской империи, произошедший не по экономическим, а по сугубо политическим причинам, в результате, как утверждают некоторые историки, заговора группы окружавших императора Николая II высших военных чинов⁴⁸, привел к братоубийственной Гражданской войне и захвату власти в стране большевиками, начавшими собирать бывшую империю воедино для построения Союза, задумывавшегося как база мировой пролетарской революции.

Москва стала штаб-квартирой Третьего Интернационала, руководившего всем мировым коммунистическим движением, через сеть которого велась разведка за капиталистическим миром. Конечной целью всей этой деятельности был мировой коммунизм. И это не скрывалось. «Мы вас похороним», – пообещал Хрущев Западу⁴⁹. Такая «перспектива» вряд ли могла порадовать руководителей т.н. свободного мира, что привело к конфронтации с ним.

Заидеологизированность руководства СССР, отсутствие прагматизма в его внешней политике, лишили страну шансов, наряду с усилением мощи и влияния в мире, улучшить жизнь ее простых людей, что и привело в результате к распаду Союза в начале 1990-х гг.

Отказ Сталина после окончания войны с Гитлером от экономической помощи по плану Маршалла и его запрет пользоваться ею странам Центральной и Восточной Европы, подпавшим к тому времени под идеологическое и политическое влияние СССР, навязывание Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии коммунистических взглядов и идеалов на фоне быстрого восстановления на деньги США экономики и повышения уровня жизни в побежденных в войне странах Западной Европы, включая ФРГ и Италию, привели впоследствии к антисоветским, а сегодня уже антироссийским настроениям в нынешнем Евросоюзе.

Разумный вариант действий в послевоенной ситуации виделся для СССР в том, чтобы, сохраняя свои военные базы в Европе, занять позицию невмешательства в дела указанных стран, объединив с США усилия по ее экономическому подъему и обеспечению европейской безопасности. Это исключило бы необходимость создания НАТО и Варшавского договора. Не

---

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Аргументы и факты. 2107. № 52. С.8.

пришлось бы тратить огромные средства на поддержку восточноевропейских компартий, которые можно было пустить на повышение жизненного уровня населения собственной страны.

«Политика ошибок», начатая при Сталине, продолжилась в «эпоху Брежнева», именуемую «временем стабильности». Именно он остановил реформы А.Н.Косыгина, начатые при Хрущеве, при его активном участии было принято решение о введении советских войск в Афганистан, стоившее 10 лет войны и 300 тыс. унесенных в общей сложности человеческих жизней. При Брежневе значительно увеличились расходы СССР на содержание десятков «дружественных» режимов в Африке и Латинской Америке, деньги по которым могли быть потрачены на внутреннее развитие.

«Именно Брежнев создал условия для прихода к власти Михаила Горбачева, чьи речи и внешний вид выигрышно смотрелись на фоне немощного Леонида Ильича и таких же старцев Черненко и Андропова. Вот к чему привела несменяемость власти»⁵⁰.

Если вернуться к современности, то следует отметить, что катастрофическое ухудшение российско-американских отношений произошло вовсе не по причине, как отмечают многие западные источники, «аннексии Крыма Россией», что стало лишь одним из многочисленных поводов для демарша со стороны США.

Действительной причиной явилось то, что на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга во власти, сочли *урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершённым*.

Приход в Белый дом Б.Обамы ознаменовался стремлением США формально «узаконить» необратимость этих последствий, одновременно указав России на ее «подлинное место» в структуре нового миропорядка.

Попытка реализовать этот замысел выражалась в осуществлении, как минимум, двух акций: присуждении Нобелевской премии мира еще реально ничем не проявившему себя Обаме и навязывании России т.н. перезагрузки с явным подтекстом – не претендовать более на роль глобальной державы, приняв насаждаемые американцами ценности, и не предпринимать каких-либо действий, противоречащих интересам США.

---

⁵⁰ Там же. 2018. № 3. С. 18.

Время этих акций совпало с пребыванием на посту Президента РФ Д.А. Медведева. Однако возвращение в 2012 г. на этот пост решительного и прагматичного В.В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими определенно состоявшимся деление мира соответственно их интересам и привело к возникновению, еще загодя до обострения на Украине, целого ряда конфликтов с постепенным ухудшением и окончательной деградацией российско-американских связей.

Гнев на Россию по «цепной реакции» распространился из США в страны Европы, породив политику санкций и контрсанкций, приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов, включая участие в целом ряде форумов. *Запад консолидировано ополчился на нас по единственной и главной причине – у него не было желания наблюдать возрождение России в качестве великой глобальной державы.* Это противоречило его замыслам и пугало больше всего.

Сменивший Б. Обаму в Вашингтоне 45-й американский президент Д. Трамп в отличие от прежнего руководства высказал, по крайней мере, понимание того, что при наличии у США и РФ общих целей в виде борьбы с терроризмом нашей стране вполне допустимо иметь собственные интересы, отличные от американских. Это породило надежду на вероятность новых раундов согласования обоюдных позиций и перезаключение прежних договоренностей.

Однако ситуация осложнилась, в том числе, в связи с появлением у Д. Трампа, а после него и у Дж. Байдена претензий, причем не только к России, но и к еще одному нынешнему глобальному «супертяжеловесу» – КНР.

1.6. Американо-китайские отношения: современный этап

На протяжении нескольких последних лет в отношениях США и Китайской Народной Республики обозначилось сочетание двух разновекторных тенденций: *усиления взаимодействия*, стремления к обоюдному ослаблению конфликтности, сглаживанию, а порою камуфлированию разногласий и противоречий, поиску реальных компромиссов и, одновременно, *обострения соперничества* и ужесточения реакции каждой из сторон на нарушения ее визави т.н. «красных линий»,

обозначающих разграничение сфер их региональных и глобальных интересов.

Это объясняется, с одной стороны, ростом взаимозависимости США и Китая в финансово-экономической сфере, а с другой, усугублением неразрешимых и нарастающих антагонизмов между ними. А «подъем Китая и переход его в категорию сверхдержавы только усиливает внутреннюю китайско-американскую конфликтность, которая будет постоянно присутствовать в отношениях двух стран, поскольку обусловлена их противоположными геополитическими интересами»⁵¹.

Для Пекина они состоят в наращивании комплексной национальной мощи в целях превращения в мировую супердержаву, а для Вашингтона, по крайней мере, еще недавно заключались в сохранении неоспоримого регионального и глобального доминирования с целью зарезервировать за собой право «вершителя мировых судеб».

Современные отношения Китая и США реализуются в трех измерениях: двустороннем, региональном и глобальном. К первому относятся торгово-экономические связи, проблемы Тайваня, прав человека (включая Тибет, СУАР, диссидентов, свободу слова, Интернет и вопросы кибербезопасности). Сюда же можно условно причислить проблемы, которые, по мнению Китая, затрагивают его внутреннюю безопасность (распространение «чуждых идей» и подрыв государственных институтов власти).

На региональном уровне они связаны с противостоянием в АТР, конфликтами в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, противоречиями вокруг многосторонних международных торгово-экономических региональных организаций, соперничеством в Центральной Азии и усилением китайского влияния на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. В глобальном формате интересы Америки и Китая пересекаются на евразийском пространстве, во взаимоотношениях с Россией, в урегулировании проблемы будущего мироустройства.

Самыми чувствительными для отношений между двумя странами, однако, оставались *их конфликты и противоречия* на региональном уровне и, прежде всего, *в АТР*. Оба государства, резко увеличившие во втором

---

⁵¹ Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2015. С.38.

десятилетия XXI века активность в этом регионе, вызывали своими действиями в нем вполне обоснованное беспокойство и взаимное недоверие друг у друга.

У Китая они были связаны с провозглашенным еще в 2010 г. «возвращением» в АТР США, ущемившим его интересы в результате вмешательства Вашингтона в территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, с укреплением американских военных союзов и формированием новых партнерских группировок в регионе, а также с интенсификацией военной и разведывательной деятельности вблизи китайской территории.

У Америки серьезную обеспокоенность вызывало не столько экономическое, сколько военно-стратегическое усиление Пекина, его попытки изменить военный баланс в АТР в свою пользу и таким образом лишит другие его страны иного выбора, кроме как принять силу Китая. КНР стали подозревать в намерении создать в регионе новую систему безопасности без американского участия, построенную с опорой на принцип «Азия для азиатов». По утверждению американских официальных лиц, «это способно было накалить американо-китайские противоречия в АТР до предела»⁵².

При Б. Обаме конфликтность, противостояние и противоборство в отношениях КНР и США продолжали существовать параллельно со стремлением к компромиссам и примирению.

При президенте Д. Трампе у американо-китайских отношений еще больше усилился конфликтный потенциал, усугубленный объявлением США торговой войны КНР, которая по существу является ничем иным, как резкой реакцией Америки на закрепление Китая в статусе глобальной державы.

Консервативные, а по некоторым позициям ультраконсервативные взгляды Трампа заставили наблюдателей причислить его к антиглобалистам. Не считая себя таковым по сути, он, тем не менее, высказался за определенные ограничения глобализационных трендов, в числе которых: укрепление внутренних, а не внешних рынков; разрыв торговых договоренностей, которые чреваты экономическими потерями для США; отказ от спекулятивных сделок. Сюда же относятся идеи Трампа о

---

⁵² Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., ИД «Форум», 2016. С. 272.

наложении 45-процентной пошлины на товары из Китая, увеличении добычи собственной нефти и сокращении ее импорта.

Первым шагом на пути реализации «антиглобалистских идей» стал подписанный им указ о выходе США из Транс-Тихоокеанского партнерства – структуры, которую враждебной его торговым интересам считал, прежде всего, Китай. Но это не парадокс, а трезвый расчет. Успешный бизнесмен Трамп и в политике не собирался тратить деньги без гарантии 100-процентной отдачи от затрат. Он намеревался вкладывать их более адресно, например, в укрепление двусторонних связей с Японией – главным соперником Китая в Азии. Это подчеркивалось в ходе визита в США японского премьер-министра С. Абэ.

Но дело даже не столько в Японии, сколько в сохранении позиций США в АТР – одном из главных регионов, остающихся в сфере американских интересов. И это закономерно, поскольку на данный момент АТР – самый динамично развивающийся регион мира, где на место доминирующей силы претендует основной на сегодня соперник США – Китай.

В первые недели после восшествия Трампа «на престол» было широко распространено мнение, что именно Китай, а не Россия станет для его администрации «раздражителем №1». К набору прежних противоречий в отношениях Пекина и Вашингтона, добавилось еще одно, пожалуй, самое неприятное для Америки – КНР предприняла шаги, которые потенциально можно оценить и как попытку заявить о ее притязании на роль будущего мирового лидера. Допуская участие Китая в глобальном управлении, которое США в прошлом сами пытались навязать ему в виде «большой двойки» (*Chimerica*), они и при Трампе не согласились с претензией КНР на позицию «первой державы мира». Американцы могут допустить активизацию китайцев в тех зонах, из которых намерены уйти или там, где планируют ограничить свое присутствие, но только не в АТР – главном плацдарме, пока еще подпирающем фундамент их слабеющего глобального лидерства.

Китай при Трампе чувствовал себя достаточно уверенно: он держал, по данным того времени, американские долги в объеме, по разным подсчетам, от 1,2 до 1,8 трлн долл., располагал 4 трлн долл. валютных резервов по сравнению со 121 млрд долл. у США. В 2016 г. китайские компании

инвестировали в Соединенные Штаты 53,9 млрд долл. – больше, чем в любую другую страну. В двусторонней торговле объемом порядка 660 млрд долл. дефицит баланса у США в 2015 г. составил 365,7 млрд долл. Причем торговля с Китаем складывается для Америки с дефицитом, начиная с 1985 г.

Компании США создали в Китае около 20 тыс. предприятий. 20% прибылей *General Motors* и 16% прибылей *Ford* получают за счет китайского рынка. В КНР действует 14 сборочных заводов компании Apple. На середину 2016 г. шесть ведущих банков Китая имели активы в 15 трлн долл., а шесть крупнейших банков США – на 1 трлн долл. меньше.

Согласно прогнозам экономистов, по состоянию на 2015 г. государственный долг КНР составлял 23 трлн долл. в сравнении с 17,6 трлн долл. госдолга США. Стремительный рост китайского госдолга явился, по их утверждению, «расплатой за ускоренный экономический рост». Этот и некоторые другие параметры развития КНР заставили специалистов сделать вывод о том, что на фоне экономических неурядиц последних лет в среднесрочной перспективе Пекин не обгонит Вашингтон, даже если ВВП США будет расти по 1-2%, а ВВП КНР – по 5-6% в год. И только через 15-20 лет объем китайской экономики приблизится к объему американской.

Главная претензия Трампа к Китаю в финансовой сфере состояла в манипулировании последнего курсом юаня ради получения преимуществ в торговле с США. В вину КНР вменялось также: товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение противоречащих правилам ВТО ограничений на торговлю с США; модернизация китайских военных объектов за счет кражи американских технологий, хакерских атак и шпионажа; требование Китая о доступе к новым технологиям в качестве условия американского присутствия на его рынках.

Если Трамп опять придет к власти на предстоящих в США выборах, значимым фактором, который в условиях специфической миграционной политики Трампа будет непросто игнорировать, может оказаться т.н. пятая колонна Пекина. Китайцы составляют $\frac{1}{4}$ азиатского населения США – около 4 млн человек. При этом наблюдается устойчивая тенденция роста их численности. Тысячи и тысячи молодых граждан КНР, обучавшихся в Америке (математики, физики, химики, врачи, юристы, специалисты ЭВМ, дизайнеры и т.п.), остаются там на постоянное жительство. Многие

обзавелись семьями, часто путем заключения браков с этнически близкими им американскими гражданами, но при этом сохраняют связи со своей родиной. Это создает основания для подозрений в подрыве безопасности США изнутри.

Неплохим выходом для Трампа в этой связи было бы перенацеливание китайской экономической экспансии в другие районы мира. Не связаны ли именно с этим появившиеся в СМИ весьма любопытные сообщения о якобы проявленном интересе США к китайским проектам «шелковых путей», которые, как известно, пока не захватывают Северную Америку?

При Обаме представители его администрации одобрительно отзывались о проекте «Экономический пояс Шелкового пути» и ратовали за координацию действий США и КНР в Центральной Азии, одновременно преследуя побочную цель – направить активность возвышающегося Китая с морских просторов, где Америка продолжала доминировать, в глубь континента и столкнуть там «лбами» Пекин и Москву, выступая при этом в роли арбитра и защитника интересов остальных стран Центральной Азии.

Высказываются предположения о неизбежности грядущего американо-китайского конфликта, который приведет к срыву модернизации в КНР и похоронит «китайскую мечту» – цель, к которой стремится Си Цзиньпин.

По мнению китайской стороны, взгляд США на Китай не как на партнера, а как на причину имеющихся у них проблем не отвечает основной логике отношений двух стран, а провоцирование трений и их подрыв не способствуют «обретению Соединенными Штатами нового величия».

Как далеко зайдут американо-китайские отношения в своем противостоянии? Если КНР сохранит приверженность взвешенной позиции, которую до последнего времени демонстрировала по отношению к США, а те, в свою очередь, не станут пересекать «красные линии», которые давно прочерчены во взаимосвязях двух стран, миру, по большому счету, ничто фатальное не грозит.

Одной из главных таких линий, безусловно, является тайваньский вопрос. Примечательно, однако, что во время избирательной кампании Трамп ни разу не поднимал тайваньского вопроса и избегал темы Южно-Китайского моря. Если при Б. Обаме и Дж. Байдене США с раздражением относились к активности КНР в Южно-Китайском море, демонстрируя

готовность защищать своих азиатских союзников от «китайской угрозы» путем размещения американского комплекса ПРО THAAD на территории Южной Кореи, то Трампа дела в ЮКМ, как и тайваньский вопрос, похоже, интересуют в первую очередь как инструмент влияния на Китай.

Есть также серьезные сомнения в том, что «новый» Трамп будет пытаться воевать с инвестициями КНР в экономику США, поскольку они в первую очередь обеспечивают рабочие места для коренных американцев, а именно к их увеличению и стремится новый президент.

Думается, действия Трампа в отношении с Китаем будут в основе своей осмотрительными, взвешенными и аккуратными. В то же время не исключено, что как коммерсант он захочет начать отношения с КНР с нулевой отметки, с «чистого листа». Начиная «торг» со второй державой мира, с точки зрения Трампа, нужно стартовать с максимально благоприятных для Америки позиций, а не с признания уступок Китаю, которые делала администрация Б.Обамы.

В целом хочется верить, что курс Вашингтона нацелен на «притормаживание» Пекина, а не на масштабный конфликт с ним, ибо экономически США и КНР очень тесно взаимосвязаны.

В свое время Китаю, очевидно, удалось донести до сознания Трампа три принципиальных постулата, заложенных КНР в основу отношений с США:

- 1) Главный из них – принцип «одного Китая», который не является предметом торгов и дискуссий;
- 2) Взимание Соединенными Штатами высоких таможенных пошлин на китайские товары чревато крупномасштабной торговой войной;
- 3) Если обоюдный выигрыш при таких условиях достигнут не будет – неизбежен обоюдный проигрыш, что прозвучало почти как ультиматум.

Все это впоследствии подтвердилось.

Главным расхождением между сторонами оставалось отношение к применению военной силы. КНР считала, что это приведет к катастрофе, а в Белом доме такой вариант решения проблемы не исключался. Некоторое время спустя США осознали, что на помощь Китая в обуздании северокорейской ядерной угрозы рассчитывать не стоит. Это и стало предтечей нового разлада в американо-китайских отношениях.

Были сделаны и другие, более фундаментальные и обобщенные выводы о том, что *Китай представляет для Америки гораздо более серьезную угрозу, чем Россия*, которой по привычке запугивали прежде население США. По словам заместителя помощника директора Восточно-азиатского центра ЦРУ М.Коллинза, «Пекин стремится узурпировать находящуюся в руках американцев власть и оказывать влияние не только в Азии, но во всем мире». Причем делать это «по-тихому», бесконфликтно и стараясь поддерживать стабильные связи с Вашингтоном, будучи при этом уверен, что может пренебрегать международным правом. Была подвергнута сомнению одна из фундаментальных заповедей американской внешней политики, утверждавшая, что «торговля и контакты с КНР породят в ней демократические политические реформы»⁵³.

В марте 2018 г. Д.Трамп подписал меморандум о борьбе с экономической агрессией Китая. В заявлении Белого дома указывалось, что преобладающая роль государства в экономике Китая означает, что «цены на внутреннем рынке страны серьезно искажены и не определяются правилами рынка»⁵⁴. Поэтому торговые партнеры Китая имеют право выставлять для китайских товаров очень высокие заградительные пошлины, что фактически лишает смысла их экспорт. Этот шаг властей США стал одним из первых признаков еще большего усиления торгового конфликта с КНР и начал определять характер отношений двух крупнейших мировых экономик в первой половине 2018 г. и последовавшее во второй его половине перерастание этого конфликта в известную всем «торговую войну».

После принятия 18 декабря 2017 г. новой американской «Стратегии национальной безопасности» отношения США с Китаем фактически приобрели официальный статус сопернических. Принятие «Стратегии» не только поставило под угрозу дальнейшее развитие отношений США и КНР, но и способствовало повышению градуса конфронтации и торгово-экономического противостояния двух стран. Фактически начало подлинной «торговой войне» положил острый конфликт, связанный с введением взаимных пошлин в апреле 2018 г. В ответ на американскую пошлину на импорт стали и алюминия Министерство финансов КНР приняло решение о

---

⁵³ Мнение аналитика ЦРУ: Пекин представляет собой более серьезную угрозу, чем Россия.

URL:<http://inosmi.ru/politic/20170802/239962491.html>

⁵⁴ США вновь отказались признать Китай страной с рыночной экономикой.

URL:<https://xakas.info/news/67857>.

введении «зеркальных» пошлин более чем на 100 видов американской продукции. Пекин также инициировал в ВТО разбирательство односторонних действий США.

Серия переговоров между сторонами в течение весны 2019 г. не привела к принятию принципиальных прорывных решений. В результате «торговой войны» в американской экономике пострадал целый ряд отраслей, включая сельское хозяйство, авиастроение, автомобилестроение и нефтяную промышленность. Последствиями этой «войны» для Китая стали замедление темпов роста всей экономики в целом, увеличение безработицы и сокращение экспортных производств.

В своем торговом противоборстве США и КНР «перевели дыхание» лишь в январе 2020 г., когда президент Д. Трамп и вице-премьер Лю Хэ подписали т.н. первый пакет документов в рамках двустороннего торгового соглашения, который обязал Китай в течение двух лет увеличить на 200 млрд долл. закупки американской сельскохозяйственной продукции и других товаров, а Вашингтон, в свою очередь, – не повышать пошлины на определенные виды китайских изделий. При этом действие 25-процентной пошлины на товары из КНР общей стоимостью 250 млрд долл. оговаривалось до тех пор, пока стороны не заключат сделку второго этапа.

Казалось бы, торговый конфликт постепенно шел к затуханию. Но новое обострение уже не только торговых, но всего комплекса обоюдных отношений двух стран всколыхнула пандемия коронавируса, распространившаяся по миру из Китая.

Сразу возник вопрос: как и почему она возникла? По сугубо медицинским причинам или спровоцирована искусственно и с умыслом? Явилась ли она роковым стечением обстоятельств естественного свойства или стала результатом сознательных действий части людей, преследовавших определенные цели? Сразу появилось несколько версий происхождения случившегося, содержание которых варьировалось в диапазоне от бытового до конспирологического. В итоге возобладали последние.

США и КНР взаимно обвинили друг друга в инициации «коронавирусных атак». При этом американцы ссылались на секретные эксперименты Китая по разработке бактериологического оружия в специализированной уханьской военной лаборатории, якобы вышедшие из-

под контроля. В свою очередь, китайская сторона обвиняла США в умышленном занесении вируса в Ухань американскими военными в октябре 2019 г. во время проведения там международных армейских спортивных состязаний.

Китаю вменялось в вину не только происхождение коронавируса, но и непринятие надлежащих мер, чтобы предотвратить его распространение. В ответ Пекин заявлял, что коронавирус, изобретенный в Америке, стал новым способом борьбы США за их глобальное превосходство, оружием, способным нанести КНР многомиллиардные потери и создать угрозу достигнутым с Вашингтоном соглашениям, понижая якобы курс китайского юаня.

Вопрос об источнике и путях происхождения пандемии пока далеко неясен и требует дальнейшего тщательного изучения, возможно, отдельного специального расследования. Хотя российские ученые-вирусологи утверждали, что для них «появление нового вируса было абсолютно ожидаемым событием», а его возникновению именно в Китае способствовали два основных фактора – «экзотические пищевые привычки и высокая плотность населения в КНР»⁵⁵.

Новый виток конфронтации между Вашингтоном и Пекином оказался практически неизбежен: весь 2020 год прошел в ее эскалации и нагнетании.

Как отмечал тогдашний госсекретарь США М. Помпео, «прежняя система безоглядного взаимодействия с Китаем потерпела крах. Мы не можем продолжать ее, мы не должны возвращаться к ней».

Главным инструментом в геополитической дуэли США с Китаем в 2020 г. стала «стратегия размежевания». Ее первая стадия – китайско-американская торговая война привела к существенному снижению объема двусторонней торговли. Китай утратил статус главного торгового партнера США: согласно статистике, по итогам 2019 г. он занял в этом рейтинге третье место, уступив Канаде и Мексике.

Второй стадией стал аналогичный процесс в высокотехнологическом секторе, включавший кампанию против китайских технологических гигантов типа *Huawei*. Началось размежевание в финансовой сфере. Под угрозой оказались культурные и образовательные связи и средства массовой

---

⁵⁵ Аргументы и факты. 2020. С.37.

информации двух стран. По оценкам экспертов, в итоге страдать от этой трагической ситуации будет, в первую очередь, сама Америка.

Это хорошо понимают в деловых кругах США. «Китайский рынок крайне важен для американских предприятий. *Стороны должны найти новый подход к сотрудничеству*», – заявлял заместитель главы Американо-китайского Делового совета Мэтью Маргулис в интервью китайским СМИ. По его словам, с учетом темпов роста ВВП КНР можно сделать прогноз о том, что *в ближайшие 10 лет коэффициент вклада Китая в рост глобальной экономики достигнет около 30%*.

Согласно докладу по итогам расследования, подготовленного в августе 2020 г. Американо-китайским Деловым советом, *почти 70% предприятий-респондентов с оптимизмом смотрели на коммерческие перспективы китайского рынка в ближайшие пять лет. В связи с чем, 87% этих предприятий тогда отказались вывести свои производственные линии из Поднебесной.*

Мэтью Маргулис полагал, что США – крупнейшая в мире экономика, за которой по пятам следует именно Китай. Двусторонние отношения носят сложный и многомерный характер. С одной стороны, не стоит ожидать, что страны будут всегда сходиться во мнениях, а с другой – необходимо работать над сдерживанием разногласий, а не позволять им отражаться на коммерческих связях.

На его взгляд, несмотря на политическую конкуренцию между государствами, *деловые круги США в принципе стремятся к взаимодействию с китайскими коллегами. Бизнес-круги США не поддерживают разрыв связей: «можно урегулировать разногласия путем диалога и контактов, и акцентировать внимание на темах, представляющих взаимный интерес»*⁵⁶.

С этим мнением солидаризировалось подавляющее большинство экспертов в Китае. *«Обе страны выиграют от сотрудничества и проиграны от конфронтации. Сотрудничество – единственный правильный выбор для*

---

⁵⁶ Американо-китайский деловой совет: китайский рынок крайне важен для предприятий США. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/145609-amerikano-kitayskiy-delovoy-sovet-kitayskiy-rynok?ysclid=lupzs1i8cy889760435>

обоих», заявил в декабре 2020 г. посол КНР в США Цуй Тянькай на ежегодном праздничном вечере Американо-китайского Делового совета⁵⁷.

Тем не менее, по данным опроса американского *Pew Research Center*, более 63% граждан США считали КНР главной угрозой для их страны⁵⁸. Согласно мнению зарубежных экспертов, конфронтационная динамика в американо-китайских отношениях будет усиливаться в следующих направлениях:

В экономической сфере стороны последовательно проводят политику разрыва торговых связей, вводят взаимные протекционистские меры, усиливают контроль над инвестициями.

В сфере информационных технологий китайские компании типа *Huawei*, *ZTE* и др. рассматриваются Вашингтоном как прямой вызов нынешнему доминирующему положению США в технологической отрасли. В свою очередь, КНР в рамках программы развития «Сделано в Китае – 2025» намерена превратить страну в «научную и технологическую сверхдержаву, независимую от иностранных технологий. Глубокий технологический разрыв может существенно ограничить международное научно-техническое сотрудничество и нанесет ущерб инновациям во всем мире.

В области конкуренции за международный авторитет идет активное соперничество в деле предоставления помощи различным странам. С начала пандемии КНР направила гуманитарную помощь более чем 150 странам мира, а США – финансовую помощь 64 странам. Китай целенаправленно заполняет вакуум в международных структурах после выхода США из них или прекращения финансирования. Дипломатическая война между США и КНР за влияние в отдельных регионах и международных институтах еще больше усилится в ближайшей перспективе.

В области гонки вооружений и Китай, и США продолжают игнорировать международные правовые нормы в сфере безопасности (например, ДРСМД). Согласно мнению аналитиков, обе страны давно начали

---

⁵⁷ Китайско-американские отношения, выходящие за рамки идеологических разногласий, выгодны обеим сторонам -- посол КНР в США. URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2020-12/10/content_76...

⁵⁸ Мнения экспертов об американо-китайской конфронтации. URL: <https://nuz.uz/v-mire/1168539-mneniya-ekspertov-ob-amerikano-kitaiskoy-konfrontacii>

гонку вооружений, и эта конкуренция способствует началу новой «холодной войны»⁵⁹.

В целом, как отмечают эксперты, стратегическое противостояние КНР и США на разных направлениях будет неизбежно усиливаться и станет «новой нормальностью» в международных отношениях. Соперничество двух держав приведет к разрыву цепочек поставок, неуправляемому неравенству в сфере технологий. При этом развивающиеся государства будут поставлены перед необходимостью выбора одной из сторон в этой конфронтации.

В заключение небезынтересно попытаться понять, что ждет нас впереди? Разобраться в том, как оценивают видные политики и политологи США, КНР и России грядущие перспективы отношений двух ведущих мировых держав и фундамент основ будущего миропорядка, который нам всем предстоит создавать.

В статье, опубликованной в 2020 г. в журнале *Foreign Affairs*, тогдашний кандидат на пост президента США Дж.Байден пообещал, что для него как президента главным внешнеполитическим приоритетом станет *восстановление глобального лидерства Америки и ее демократических альянсов*. Он хотел бы инвестировать в инфраструктуру, образование, научные исследования и разработки. От администрации Байдена рассчитывали менее драматичной и подстрекательской риторики в отношении Китая, чем от Трампа, хотя жесткое противодействие китайской индустриальной, финансовой и внешней политике, несомненно, никто со счетов не сбрасывал.

Как только приверженность Америки делу защиты либерального мирового порядка будет восстановлена, китайские лидеры, по мнению Байдена, должны умерить свои притязания на международное лидерство. Если повестка Байдена будет реализована, США окажутся в большей безопасности, а значит «будут менее склонны к параноидальности по поводу подъема Китая»⁶⁰. От Байдена ждали, что США, как минимум, будут заниматься «профессиональной дипломатией». Какой линии на китайском

---

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Project Syndicate (США): четыре пути развития отношений США и Китая. URL: <https://inosmi.ru/20200903/248058400.html?ysclid=luq03swnd4597310825>

направлении следует ожидать от второго срока Байдена, если таковой будет иметь место, – покажет время.

В свое время известный американский дипломат, бывший послом в РФ, *Джон Салливан* в интервью «Независимой газете» подчеркивал, что Россия и Китай воспринимаются американским руководством не как члены единого альянса, а по отдельности друг от друга⁶¹.

И в этой связи США больше озабочены тем, что подъем КНР, который играет в целом позитивную роль для народа Китая и для всего остального мира, сопровождается действиями, которые американская сторона воспринимает не только как нацеленные на подрыв экономического и политического могущества Америки, но и на скрытое наращивание ядерных сил и откровенное усиление военной мощи Китая, что не может не волновать страны мира с демократическим устройством.

Отсюда возможен вывод, что следующий президент США, кем бы он ни был, по-прежнему не исключая Россию из числа своих противников, будет больше сосредоточен на поиске средств противодействия «реальной угрозе» Соединенным Штатам, исходящей от экономического и военного усиления КНР.

Постоянный автор ведущих американских СМИ, эксперт, научный сотрудник *Defence Priorities* *Бонни Кристиан*, вопреки мнениям политиков, утверждает, что «Китай для Америки не угроза, и в «холодной войне» нет необходимости, а любая эскалация противостояния с Китаем не принесет американцам никаких дивидендов». «Нашему правительству следует ослабить ее, ...не усугубляя положение американцев и людей в самом Китае»⁶².

Эти мысли американского эксперта разделил китайский политолог, директор Института международных отношений при Университете внешней экономики и торговли КНР *Дай Чанчжэн*. «Для возвращения отношений в русло здорового и стабильного развития КНР и США необходимо идти навстречу друг другу, прилагать совместные усилия к поиску способов правильного решения возникающих проблем»⁶³, – советовал он.

---

⁶¹ Джон Салливан: «Мы не рассматриваем Россию и Китай как альянс, направленный против США». URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-12-21/1_8045_usa.html

⁶² Почему США могут проиграть в новой холодной войне с Китаем. URL: <https://365info.kz/2020/08>

⁶³ Китай. 2020. № 10. С.5.

Декан Института международных и региональных исследований Пекинского Университета языка и культуры, профессор *Хуан Цзин* уже в период борьбы Байдена за первый президентский пост предположил, что во внешней политике Соединенных Штатов «будет наблюдаться общий тренд на детрампизм», и можно ожидать фундаментальных перемен в важнейших областях политики, таких как изменение климата, нераспространение ядерного оружия, борьба с пандемией, международная торговля и финансовая стабильность. «Нет никаких сомнений в том, что Байден откажется от одностороннего подхода Трампа. Не только потому, что такой подход нанес существенный ущерб глобальным позициям Америки, но и потому что принцип многосторонности просто необходим, если США хотят восстановить и поддерживать прочную систему альянсов под своим руководством»⁶⁴.

Депутат Государственной Думы ФС РФ, председатель ее Комитета по образованию и науке *Вячеслав Никонов* был настроен не очень оптимистично в вопросах о том, возможно ли избежать нового – американо-китайского – витка холодной войны и сможет ли Китай избежать конфронтации? По его мнению, сделать этого не удастся, поскольку: 1) Вашингтон никогда не откажется от основной стратегической установки на противостояние центру силы, способному бросить вызов американскому глобальному доминированию; и 2) Китаю не уйти от конфронтации, потому что США ее навяжут⁶⁵.

Заместитель директора ИМЭМО РАН *Александр Ломанов* отмечал, что конфронтация двух стран не станет «копией холодной войны между США и СССР», поскольку их в свое время не связывали такие тесные экономические отношения, какие сейчас связывают КНР и США. Главное различие, по его мнению, состоит в том, что Китай отказывается вступать в идеологическую войну с США: «в идеологическом поле зеркального ответа со стороны Пекина не будет»⁶⁶.

---

⁶⁴ Хуан Цзин. Что победа Байдена сулит Китаю. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-pobeda-bajdena-sulit-kitayu/?ysclid=luq0y72dtz820206205>

⁶⁵ Холодная война 2.0? но закончилась ли первая? Что означает американо-китайское противостояние для международной политики. URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-10-22/6_7997_coldwar.html?ysclid=luq0ww2wyi624957893

⁶⁶ «Конфликт будет затяжным»: как закрытие консульств в Хьюстоне и Чэнду отразится на отношениях США и Китая. URL: <https://russian.rt.com/world/article/768209-kitai-ssha-posolstvo-konsulstvo-zakrytie-otnosheniya?ysclid=luq0sv45sv295880457>

«Уровень враждебности США в отношении Китая не изменится. Американцы будут препятствовать Пекину в завоевании новых позиций», – считает китаевед *Юрий Тавровский*. По его мнению, такое отношение США основано на уровне враждебности к Китаю американского населения. Стратегически она сохранится, и «возможны лишь тактические изменения в направлениях выражения этой враждебности»⁶⁷.

Профессор Санкт-Петербургского Государственного университета *Яна Лексютина* отмечала, что политика Байдена в отношении КНР не будет носить резко конфронтационный характер, как при Трампе в период развития пандемии в 2020 г. «Она будет менее хаотичной, непредсказуемой и грубой, ... но более стратегически нацеленной, хорошо выверенной и последовательной». По ее мнению, изменение внешнеполитического поведения Китая в США интерпретируют как рост его агрессивности, а пандемия способствовала переводу противостояния двух стран на «принципиально новый уровень – идеологизированного противоборства». В то же время, «в Вашингтоне, возможно, впервые непосредственно осознали серьезную уязвимость США, обусловленную нахождением Китая в центре глобальных производственно-сбытовых цепочек и... зависимостью американских компаний от них». А политику Байдена в экономической сфере «будет определять его видение Китая в качестве настоящей, подлинной экономической угрозы США». В политическом плане «администрация Байдена будет прилагать усилия по формированию «коалиции демократий»⁶⁸, контуры которой якобы «уже прослеживаются»: Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Нидерланды, Чехия, Канада, Япония, Австралия, Тайвань, Индия и пр. Поскольку администрация Байдена будет стремиться восстановить позиции США как мирового лидера, при ней «Китай может столкнуться с гораздо более сложными проблемами, чем те, которые были в американо-китайских отношениях при Трампе», – отмечала Я. Лексютина.

Идею о вероятности создания Байденем «коалиции демократий» против КНР поддерживает, со ссылкой на статью госсекретаря США Энтони

---

⁶⁷ Тавровский пояснил, как будут дальше развиваться отношения США и Китая. URL: <https://am.sputniknews.ru/20201231/Tavrovskiy-poyasnil-kak-budut-dalshe-razvivatsya-otnosheniya-SShA-i-Kitaya-25968392.html?ysclid=luq0vvr6o0573686703>

⁶⁸ Лексютина Я. Какой будет китайская политика США при администрации Байдена. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kakoy-budet-kitayskaya-politika-ssha/?ysclid=luq13oq3z1988515748>

Блинкена и неоконсерватора Роберта Качана, известный отечественный политолог, депутат Совета Федерации ФС РФ *Алексей Пушков*, который подчеркивает замысел американского дипломатического руководства при Байдене – «распространить трансатлантическое сообщество и на Азию, чтобы наряду с НАТО, действующим против России, был сформирован альянс, нацеленный на противоборство с Китаем».

Сферой его интересов могли бы стать, по мнению авторов статьи, одновременно страны т.н. серой зоны, находящиеся между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой. Речь идет о Средней Азии, Южном Кавказе, Украине и Белоруссии, а также о Восточной Европе и Юго-Восточной Азии. В такой новой доктрине внешней политики США, по словам А.Пушкова, наблюдается срастание агрессивно-либеральных и неоконсервативных установок, общим знаменателем которым служит стремление к восстановлению американской гегемонии на базе глобального союза сторонников либерального миропорядка.

Завершая, позволю высказать собственные соображения о тенденциях развития взаимоотношений между США и Китаем в предстоящие годы.

Целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть возможные перспективы китайско-американских отношений и в контексте общих закономерностей хода исторического процесса, в рамках действия диалектических законов развития, поскольку и сегодняшнее глобальное поведение Китая, и реакция на него со стороны США и остального мирового сообщества *диалектически и исторически обусловлены*.

Современные торгово-экономические противоречия этих двух стран являются лишь составной частью общей проблемы, состоящей в *борьбе нового со старым*. При всех различиях их национальных менталитетов у них существует нечто *единое* – если не роднящее, то делающее их очень похожими друг на друга. Это так называемый *superiority complex*, или внутренняя уверенность в собственном превосходстве над окружающими.

У китайцев она базируется на убежденности в том, что они – древнейшая земная цивилизация, насчитывающая более 4000 лет. У американцев – на ощущении себя одной из самых молодых и одновременно самой могучей страной мира, обладающей несметными материальными

богатствами, передовыми технологиями, наилучшим и наиболее передовым, по их убеждению, общественно-политическим устройством и максимальным жизненным уровнем. Каждая из этих двух стран считает себя единственным достойным претендентом на роль главного мирового лидера.

Прогресс КНР за последние 40 лет укрепил ее веру в справедливость этих претензий. Неспособность США заставить Китай в результате перехода на «рыночные рельсы» одновременно трансформировать и его политическую систему, отказаться от коммунистической идеологии и, таким образом, встать с Америкой «по одну сторону баррикад» – поколебала уверенность США в собственном тотальном превосходстве. А усиление и укрепление Китаем своего глобального влияния не только в экономической, но в политической сфере заставило резко противодействовать его возвышению.

В результате, в мире, изначально стремившемся к многополюсности, формируется «новая биполярность», которая откроет очередной цикл борьбы, но уже не идеологических, а цивилизационных систем. Ссылки на коммунистическую идеологию КНР и на КПК необходимы сегодня американцам для того, чтобы прикрываясь предлогом «борьбы с коммунизмом», якобы стремящимся «разрушить американскую демократию», замаскировать общий антикитайский настрой в США.

В то же время антикитайские выпады могут несколько изменить характер: стать менее грубыми и более завуалированными, поскольку глобальные интересы американских деловых кругов, которые охватывают и Китай, не должны пострадать от нынешней синофобии янки. Поэтому преградой на пути ее распространения, как ни парадоксально, может стать все более расширяющаяся активность и углубляющаяся вовлеченность Китая в деятельность на мировом рынке.

В тех сферах, где это не нарушает американские интересы, взаимодействие США с КНР может даже активизироваться. Однако, скорее всего, этого не следует ожидать в таких стратегически значимых отраслях, как глобальные средства коммуникации или экспорт высоких технологий.

Китай, со своей стороны, постарается, скорее всего, не обострять отношений с Америкой, если та не станет затрагивать его «чувствительные болевые точки», такие как внутривнутриполитическая ситуация, нацменьшинства, тайваньский и гонконгский вопросы, т.е. – вмешиваться в его внутренние

дела, препятствуя реализации концепции «одно государство – две системы», от чего более воинственной в новом руководстве США антикитайски настроенной его части удержаться будет совсем непросто.

В любом случае, главной своей целью на китайском направлении США будут считать недопущение еще большего усиления КНР, а Китай – неуклонную реализацию намеченных установок и планов при минимально возможных негативных действиях в отношении Америки.

Так что предстоящие годы американо-китайского соперничества обещают быть жаркими. К чему оно приведет? Увидим...

Итак, взаимоотношения внутри «треугольника» КНР-США-РФ – одно из сложнейших и наиболее важных глобальных взаимодействий.

Как известно, политические отношения между РФ и КНР масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торговой и финансово-экономической сфере более глубоки и насыщены, чем в политической. Политическое взаимодействие между Россией и Китаем сегодня устойчивее, чем между США и КНР. В то же время российско-американские отношения в стратегической области, связанные с всемирной безопасностью, являются определяющими на глобальном уровне с учетом военного потенциала обеих стран. Однако в силу того, что российско-китайское стратегическое сотрудничество, как было заявлено обеими сторонами, рассчитано на долговременную перспективу, оно может способствовать постепенному ослаблению мирового лидерства США и формированию нового международного порядка взамен брюссельско-вашингтонского.

В дальнейшем на определенном этапе не исключено, однако, возникновение ситуации, когда действие «классической парадигмы», при которой главный вызов безопасности России и США обусловлен их политикой в отношении друг друга, может нарушиться в результате усиления глобальных амбиций Китая.

В предвыборных высказываниях Трампа (и тогда, и сейчас) о внешней политике проскальзывали намерения заняться реструктуризацией российско-китайско-американского «треугольника». Учитывая тесный характер российско-китайских политических связей, он не исключал, что в

перспективе Америка может оказаться в конфликте и с Китаем, и с Россией, и поэтому должна быть готова к тому, чтобы ослабить натиск хотя бы со стороны одного из соперников.

Думается все же, что в конечном итоге взаимоотношения в «треугольнике» будут определять не субъективные симпатии или антипатии сторон, а объективные экономические и геополитические факторы.

КНР может ответить на «финансовую войну» ударом по доллару, который по утверждениям многих экономистов «и так держится с трудом», выставив на продажу имеющиеся у нее американские долговые обязательства. Тем более, что за последние годы вложения в них сократились на 242 млрд долл. Россия в этом случае сможет оказаться в большом плюсе, если вовремя переведет свои валютные резервы из долларов в другие виды ресурсов.

При этом следует осознавать, что в отсутствие формального союза между КНР и Россией не исключены ситуации, вплоть до конфликтных, когда стороны могут действовать, сообразуясь только с собственными интересами без учета интересов соседа.

*Статья приводится в авторской редакции, отражает авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением ИКСа РАН.